

КСЕНИЯ
КОЖИНА

СПАСЁННЫЙ
ТРЕТИЙ
НЕ ЛИШНИЙ

Ксения Кожина

Спасённый. Третий не лишний

<https://litres.ru/74315779>

Аннотация

У меня есть имя и ничего больше. Я знаю многое о планете Земля, но ничего о себе. Меня решили устранить, потому что в будущем я могу стать проблемой. Подставили, швырнули прямо в чужие руки. Или это не руки вовсе? Почему вокруг не то, что я ожидала увидеть? Где я? Кто я? И что от меня хочет мужчина, назвавшийся императором Эпсилона? Я обязательно во всём разберусь, но сейчас... пора уносить ноги.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	58
Глава 7	70
Глава 8	79
Глава 9	90
Глава 10	104
Глава 12	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Глава 1

Первыми появились звуки: шуршание, писк приборов, чьи-то шаги. Я слушала внимательно, потому что ничего иного мне не оставалось. Меня окружала невесомость, надёжно укутавшая в свои объятия, и всё, что я могла, это слушать.

«Фиксирую мозговую активность», — раздался новый звук. Какой-то механический.

— Слишком рано, — недовольно ответил... мужчина? — Продолжай отслеживать показатели.

«Принято».

И снова только шуршание, писк приборов.

Мысли текли вяло. Вокруг чудилась какая-то сладость. Вдохнула — и сладость усилилась. Что? Я дышу? Думаю? Откуда-то пришла мысль: «значит, существую». Но тогда кто я? Что за существо?

«Растёт уровень кортизола».

— А вот стресс нам совсем не нужен. ИскИн, добавь два кубика раствора.

«Выполняю».

Сладость усилилась, осела на языке, заполнила лёгкие, и наступила сплошная темнота.

Вторым было лицо за стеклом. В какой-то момент, устав от монотонного писка, я просто открыла глаза. Моргнула и

установилась на мужчину. Он явно был удивлён, заправил за ухо длинную пепельную прядь и изумлённо выдохнул:

— Ульяна?

Я узнала этот голос, слышала уже. А Ульяна — это я? Не знаю, наверное. Звучит красиво.

— Куда ты всё время торопишься, землянка? Я ещё не закончил. Спи. ИскИн, ещё один кубик раствора.

Снова сладость на языке, веки потяжелели, закрылись, но темнота была неполной, со светлыми кругами перед глазами. Вопреки желанию мужчины я не уснула, я думала и мысли текли намного легче, плавнее и быстрее, чем раньше. Выходит, меня зовут Ульяна и я землянка? Я знаю, кто это — житель планеты Земля, человек.

«Мозговая активность увеличилась. Фаза сна отсутствует. Показатели в норме», — всё тот же механический голос. Неизвестный ИскИн. Кажется, так называют искусственный интеллект.

— Анализ провела? Твои предположения?

«Активизировался участок мозга, ответственный за воспоминания. Добавить ещё кубик раствора в капсулу?»

— Нет. Пусть вспоминает, раз выпалась на несколько жизней вперёд. Только за показателями следи. Перед женой будет неудобно, если сведём её подругу с ума.

Подругу? Я чья-то подруга? Звучит... тепло. Значит, я не всегда была такой? Уже хоть что-то.

С этого момента меня перестали «отключать» раствором.

Я бодрствовала, иногда открывала глаза и вспоминала. Я не видела себя, не могла пошевелить даже пальцем, но всё отчётливей вспоминала Землю — синюю планету, покрытую обширными океанами. Вспомнилось многое: здания, машины, самолёты, телефоны и интернет, животные в лесу и зоопарках, и рыба, которую можно есть. Через несколько дней, которые я отмечала для себя благодаря периодам бодрствования мужчины, я уже знала, что люди едят и пьют, сколько раз, и какой у продуктов вкус. Для себя я назвала эти воспоминания базовыми, необходимыми для комфортной жизни. Через неделю я выжала из памяти всё, что там хранилось. Мои знания смело можно было назвать обширными, но всё-таки один недостаток имелся: я совершенно не помнила себя.

А потом случилось то, что положило конец моей невесомости — в лабораторию, где стояла капсула со мной, пришёл гость.

— Сдурел? — рыкнул на незнакомого мужчину местный учёный. — Я просто так, по-твоему, запретил сюда заходить?!

— Да ладно тебе, она в капсуле. Что ей будет?

— Я её по кусочкам собирал!

Меня собирали по кусочкам? Почему? Я хоть когда-нибудь смогу почувствовать своё тело?

— Зачем пришёл?

— Император хочет, чтобы мы признали нашего сына его

наследником. Со всеми вытекающими последствиями.

— Размечтался. Пусть своего делает.

— Он не может. У него почти исчез резонанс.

— Сочувствую, — хмыкнув, соврал учёный. — Но ничем не могу... Хотя нет, могу. Иди-ка ты, Итан, к Снежане, а мне поработать надо. Недельку, может, меньше. Прикроешь?

Гость ничего не ответил, ушёл, но для меня его визит изменил многое.

Сначала учёный долго вглядывался в моё лицо, обсуждал с ИскИном какие-то показатели, а потом что-то загудело, и невесомость ушла. Не сразу, прошло достаточно времени, прежде чем сладость покинула капсулу, а моё тело налилось тяжестью. Я, наконец, почувствовала его, но не спешила радоваться. На место невесомости пришла боль. Она пронизывала каждую клеточку моего тела, и если бы я могла, то кричала дурным голосом, но всё, что я могла — это открывать рот и хватать воздух.

— Запомнила ощущения? — бездушно спросил учёный и что-то мне вколол. — Сейчас полегчает. У тебя был вырезан язык и кое-какие органы. Я заменил всё синтетическими, лет на сто их хватит, потом нужно будет заменить. Лекарства я тебе дам с запасом, но думаю, за месяц твой организм адаптируется. Колоть будешь сама, можно в бедро. Хоть моргни, если всё поняла. Отлично. А теперь давай попробуем сесть.

И моя жизнь началась сначала. Я заново училась сидеть, ходить, держать ложку и говорить. С речью было тяжелее

всего, язык не желал слушаться. Моё обучение явно проходило ускоренным темпом. Учёный куда-то спешил, заставляя меня тренироваться до тёмных точек перед глазами.

Отношение ко мне было ровным — его нельзя было назвать тёплым или холодным. Меня кормили, предоставили одежду, учили обращаться с собственным телом. Роботы помогали купаться. Я смотрела на механических кукол и не могла понять, когда прогресс шагнул так далеко.

Я явно находилась в какой-то новомодной белоснежной лаборатории, напичканной невозможной в моём представлении техникой. Здесь были голографические экраны, слишком разумный вездесущий искусственный интеллект, роботы, которые умели все, что умел человек. В моей памяти ничего этого не было. Я слишком долго пролежала в капсуле и мир давно шагнул вперёд? Или же это секретная лаборатория правительства, о которой простым людям знать не положено? Ответов у меня не было, а учёный, представившийся Леандром, не спешил ничего говорить. Он вообще не любил со мной разговаривать, обходясь минимумом фраз.

«Встань», «сядь», «открой рот» — я воспринимала эти команды спокойно. Безропотно позволяла брать кровь на анализы, ложилась назад в капсулу для сканирования и цепляла датчики к голове. Понимала, что без чужой помощи практически беспомощна. По этой же причине я не спешила требовать, чтобы мне объяснили, что я здесь делаю и почему. Я была благодарна уже за то, что со мной возятся, и бо-

ялась того момента, когда откроется правда.

Если Леандр собрал меня по частям, то страшно даже представить, что со мной было. На меня напал маньяк? Я стала жертвой нелегального эксперимента? Или, может, я впа-
ла в летаргический сон, у меня вырезали органы, а потом я пришла в себя? Но сначала меня явно хорошенько ударили по голове. Причуды памяти, из-за которых, я так и не вспом-
нила ничего о себе, немного раздражали.

К третьему дню ускоренной адаптации я уже могла сносно говорить, хотя иногда всё ещё коверкала буквы и прикусыва-
ла язык. Леандр даже принёс мне зеркало, чтобы я могла тре-
нировать речь. Так, я увидела себя: тусклые светло-каштано-
вые волосы, безжизненные зелёные глаза, опущенные угол-
ки пухлых губ, прямой нос на смертельно-бледном лице и
тонкая кожа с прожилками вен, обтянувшая кости. Краше
только в гроб кладут. Хотя...

Я бросила быстрый взгляд на стеклянную капсулу и резю-
мировала: я только отсюда.

Хмыкнула, нервно хохотнула и, наконец, зашла в при-
ступе неконтролируемого смеха.

Словно до упора нажала на педаль газа и погнала по
встречке.

Плотина, сдерживающая эмоции с первого пробуждения,
рухнула, оголив чувства до предела. Я смеялась и плакала,
выплёскивала всё то, что медленно варилось во мне: боль,
неуверенность, страх от неизвестности, непонимания, ра-

дось, что, несмотря ни на что, я жива.

Не знаю, сколько длилась моя истерика. В себя пришла, услышав механический голос вездесущей ИскИн:

«Уровень раствора N2O3X5 в лёгких минимальный. Все жизненные показатели в пределах нормы. Мозговая активность стабильна. Психическое состояние без нарушений. Есть небольшое отклонение в физических данных».

— Насколько небольшое? — заинтересовался учёный.

Я и забыла о нём, хотя Леандр всё это время был рядом. Больше, чем на час, не отлучался. Даже спал в соседней комнате за стеклянной перегородкой. Вот и сейчас, стоило ИскИну заговорить, он мгновенно оказался рядом.

«Фиксирую мышечную слабость».

— Ульяна, как долго ты можешь стоять, ходить? — обратился он ко мне.

— Минут пять, может, десять. Но потом нужен отдых.

— Хорошо, — кивнул мужчина и вышел из лаборатории.

Я впервые осталась одна. Больше никаких анализов и замеров. Никакого сканирования в капсуле. Мне на ужин робот даже другую еду принёс. Если до этого я ела жидкую пищу, то теперь мне позволили съесть что-то овощное, по консистенции напоминающее пюре, и небольшой кусочек варёного мяса. И это был самый настоящий праздник для меня. Пожалуй, торт со свечами я бы так не обрадовалась, как еде, которую нужно жевать.

А наутро около моей кровати обнаружился серебристый

комбинезон из странной эластичной ткани. Рядом лежал чемоданчик с автоматическим инъектором и ампулы с лекарством.

Всё? Я свободна? Меня выпускают в большой мир?

Прихода Леандра ждала с нетерпением и совсем не удивилась, увидев на мужчине такой же комбинезон. Только пожала плечами на такие заморочки. Наверное, всё-таки какой-то секретный объект, и эта одежда — простая униформа. Немного напряглась, увидев шлем в руках мужчины, но безропотно приняла и надела, привычно подчинившись.

Щелчок и шипение в шлеме стали полной неожиданностью. Сладость быстро осела на языке и в лёгких. Тело потяжелело, стало неподвижным. Глаза закрылись.

Нет! Пожалуйста, нет! Только не снова!

— Не паникуй. Здесь очень маленькая доза. Я всё рассчитал, тебя быстро отпустит. Нам на орбиту выходить. Мне нужно, чтобы ты не дёргалась, — пояснил Леандр, подхватывая меня.

Что? Куда выходить?

Взять бы руки в ноги и сбежать от этого сумасшедшего. Какой космос? Без подготовки? Может, ещё в одних этих комбинезонах? Там же холод и радиация!

— Я долго думал, что с тобой делать, Ульяна. И никак не мог найти выход. Видишь ли, в чём дело... Ты не помнишь, но у тебя есть подруга Снежана, моя жена. Однажды вас с Земли похитили пираты. Снеже повезло больше, её нашли

практически сразу. Она не очень пострадала. Тебя же почти убили во время похищения. Кажется, ты влетела в дерево. В общем, твои пути со Снежей сильно разошлись, и нашли мы тебя нескоро.

Господи! Да он же реально псих! Какие ещё пираты? Чёрные трансплантологи, что ли?

— Но Снежа так переживала... Мне пришлось ставить тебя на ноги. Не благодари.

Уговорил, не буду!

— В общем, я бы мог оставить тебя с нами: выделить комнату или построить дом по соседству, но ты же неугомонная. Ты даже в капсуле спокойно полежать, пока я тебя восстанавливаю, не могла. У Снежаны есть мы, а у тебя только она. Заскучаешь, запросишься на Землю, и моя жена станет волноваться. Знаешь, я очень не люблю, когда она волнуется. Не хочу, чтобы ты стала моей проблемой, поэтому... — он замолчал, послышался звук открывания двери. Они в лаборатории открываются по-особенному, с щелчком отъезжают в сторону — ни с чем не перепутаешь.

А я задумалась.

Поэтому что? Доставишь на «орбиту» и бросишь? А жене скажешь, что я улетела на розовом пони в волшебную страну? Но зачем тогда нужно было лечить меня?

А ведь это самая длинная речь, которую я от Леандра слышала...

Лучше бы и дальше молчал!

— Поэтому я сделаю тебе подарок. Тебе и своему родственнику. Я думаю, у вас получится. Если нет, заберу тебя, когда нагостишься. Но давай это будет наш секрет, договорились?

Глава 2

Какой подарок меня ждёт, учёный не сказал. Внутри зашевелились сомнения — вряд ли мне это понравится. Никак безвременно почивший в памяти жизненный опыт заговорил. Да и если было бы что-то приятное, можно было объяснить по-человечески, а не вырубать сладким газом. Кажется, тактика «слушаюсь, запоминаю, учусь» дала сбой в самом начале, и все земные «тише едешь...» со мной не работают.

Зато я взбодрилась. Ещё после встречи со своим отражением эмоции стали ярче, а теперь вообще бурлят, как лава в жерле вулкана. Ведь если от меня решили избавиться, значит, дальше всё зависит только от моих поступков. Бездействовать я больше не собиралась. Да, слабая! Да, ничего не помню и не понимаю! Но это не повод катиться с горочки вниз.

Нёс меня учёный не очень долго. В какой-то момент показалось, что за закрытыми глазами стало ещё темнее, появилось ощущение полёта, но со странным скрежетом всё исчезло. Да и сам учёный быстро ушёл: положил на что-то твёрдое и, пожелав удачи, оставил одну.

Вокруг было непривычно тихо. В лаборатории постоянно что-то шумело, пищало и пикало. Здесь же... на мгновение показалось, что меня поместили в камеру или комнату, где нет совсем ничего, но вот слабость, как и было обещано, ста-

ла отступить, ресницы затрепетали и распахнулись.

Сказать, что я оторопела, рассматривая место, где оказалась, — это не сказать ничего. Металлическим было всё: встроенные панели с тусклыми лампочками на потолке, выкрашенные в серый цвет стены и пол с горящими в сторону от меня стрелочками. Я что, в каком-то бункере? Сбоку у одной из стен стояли коробки, накрытые опять-таки металлической сетью и, кажется, прикрученные к полу. Или кладовка... А может, это склад контрабандистов?

Не знаю, почему в моей голове возникла последняя мысль, но она ещё настойчивее застучала в висках, когда спустя пару минут тусклые лампочки вдруг ярко вспыхнули красным, и зазвучала оглушающая сирена. Я как раз пыталась подняться с пола. Пришлось бросить все силы, чтобы свернуться калачиком и зажать руками уши.

Но всё это было чистой ерундой по сравнению с тем, что произошло дальше. Какая-то чёрная тень просочилась сквозь видневшуюся вдалеке дверь и двинулась на меня! Стремительно... Неотвратно... Как небесная кара на грешницу.

Даже завопить от ужаса не успела, когда это нечто набросилось на меня, испепелило мой комбинезон и...

Я ждала боли, мгновенной смерти, но не того, что резко станет хорошо. Невероятно хорошо! Дыхание перехватило, соски болезненно заныли, внизу живота потеплело, сжалось, будто кто-то закрутил тугую пружину. Я громко застонала,

когда наконец моё тело содрогнулось от сладкого спазма.

«Оргазм, — пришла мысль-вспышка с каким-то неясным воспоминанием. Два тела в кровати со смазанными лицами явно намекали, что это состояние мне знакомо: — Я... только что кончила».

А потом снова и снова. До ярких звёзд перед глазами. До сбившегося дыхания и пересохшего горла из-за несдержанных стонов. До сиплого крика, когда терпеть сладкую пытку стало невыносимо. Между ног горело и текло. На секунду даже показалось, что я чувствую что-то приятно-прохладное привлекательной формы у внутренней стороны моего бедра.

Естественно, я поддалась! А кто бы не поддался соблазну и первобытному инстинкту, когда терпеть больше нет сил? Мне было абсолютно плевать, что за тёмная гадость облепила меня — кара небесная или мутировавшая после экспериментов хтонь, — плевать, какие будут последствия, если я вставлю это в себя. Всё, что я хотела — заполнить пустоту внутри, сжать пульсирующими мышцами штуку, что на ощупь напоминает возбуждённый член. Так что да, я обхватила её ладонью, ловя очередной сладкий спазм, примерилась...

Она исчезла внезапно. Просочилась, как дым, сквозь пальцы. Тёмное облачко удовольствия от меня отшатнулось, отлетело к двери и свалило сквозь преграду.

У меня, кажется, мозг завис от такой подставы. Ни единой мысли. Я просто смотрела вслед сбежавшей тучке и хлопала

глазами.

Не поняла... Меня сейчас кинули, да? Поматросили и бросили?

Что-то смутно знакомое мелькнуло в памяти. Кажется, такое со мной уже было.

— Вот же! — я облизала сухие губы и перевернулась на спину, раскинув руки и ноги в стороны. Красный свет и оглушающая сирена меня больше не трогали. — Вернись, зараза. Всё прощу. Я же, кажется, себя вспоминать начала.

Но тучка не вернулась. Более того, сирена тоже отключилась, а свет опять стал приглушённым. С комбинезоном чуда, к сожалению, не случилось, и он на мне по щелчку пальцев не материализовался. А после и вовсе послышались приближающиеся шаги. И этот кто-то шёл в мою сторону так, будто ногами гвозди забивал.

— Лишь бы не в мой гробик, — посетовала вслух. — А то я его с собой не захватила.

С трудом успела сесть, прикрывшись волосами и руками, когда в помещение влетел очень высокий мужчина, почти два метра ростом. Он был абсолютно рыжим: длинные волосы, заплетённые в толстую косу и перекинутае на плечо, рыжие брови и пушистые ресницы над карими глазами, даже щетина на лице имела рыжий оттенок. Единственное, что могло намекнуть на родство с учёным, который пнул меня сюда, — это непривычно вытянутая форма его лица. Рыжик был одет во всё красное: брюки, рубашка, пиджак, даже бо-

тинки — всё было насыщенного красного оттенка.

Если бы не необходимость прикрывать наготу, я бы хлопнула себя ладонью по лицу. Проснувшееся чувство прекрасного истерично заржало на заднем фоне.

А потом глаза захотелось закрыть уже по другой причине — от незнакомца полыхнуло волной бешенства. Он долетел до меня (иначе и не назовёшь его стремительное приближение) и замер, сжимая ладони в кулаки и нависая надо мной.

— Ну здравствуй, паразит... ка!

Обиделась бы, если бы на мне был хоть клочок ткани. А так только потупилась и пролепетала:

— Здравствуйте.

Ну давай же, мужик! Должна быть в тебе хоть капля сострадания к бедной несчастной мне. На ручки не прошусь — сама доползу, — а вот пиджаком поделиться можно.

Но мне сегодня катастрофически не везло. То ли мужик думал иначе, то ли просто оказался тугодумом, потому что он посверкал злыми глазами, развернулся и пошёл прочь, бросив через плечо:

— Следуй за мной.

Непререкаемо так заявил. Явно привык, что его слушаются.

Вот и я послушалась, — куда деваться? — поднялась, покачнулась из-за слабости и миролюбиво спросила:

— Извините, не могли бы вы поделиться со мной пиджаком? Не могу же я в таком виде за вами идти.

Я могла бы собой гордиться. Неизвестно сколько пролежала в капсуле, памяти о себе лишилась, а навыков коммуникации не растеряла. Хорошо же завернула! Жаль мужчина думал иначе, потому что он, не оборачиваясь и не проверяя плетусь я за ним или нет, бросил сквозь зубы:

— Когда ты сюда проникла, отсутствие одежды тебя не смущало!

Дыши, Ульяна. Если это, конечно, твоё имя. Ты не гордая, такая роскошь тебе сейчас непозволительна. Это тебе не лаборатория, где за анализы тебя кормили и одевали.

Глубокий вдох и я объясняю как можно спокойнее:

— Я не сама. Меня принёс сюда какой-то учёный. Он сказал, что я подарок для его родственника. И на мне была одежда, пока какая-то чёрная хтонь меня её не лишила. Я вообще не знаю, где я! У меня проблемы с памятью! — под конец я немного сорвалась, повысив голос.

Но цели достигла. Мужчина обернулся, продолжая полыхать бешенством во взгляде, беззастенчиво меня осмотрел.

— Допустим, верю. Вижу, что у тебя сейчас проблема с энергией. Отсюда может быть и проблема с памятью, — выдал этот фанат фэн-шуя. — Но мой Лу — не хтонь. Ещё раз так назовёшь его и вылетишь отсюда, поняла?

Я быстро закивала.

Подумаешь Лу, а не хтонь. Если это озабоченная тучка его знакомый, то пусть хоть Васей называет.

— Так вы признаёте, что я осталась без одежды по вашей

вине?

Резкими дёрганymi движениями мужчина сорвал с себя пиджак и кинул мне. Я быстро его натянула, пряча наготу.

— ИскИн подал сигнал, что на корабле паразиты. Я от-правил Лу проверить.

О! Так я на подводной лодке. То-то она такая странная и железная. Может, учёный, говоря «орбита», имел в виду название лодки, а не космос? Это многое объяснило бы. Во-одушевившись, я поспешила за Рыжиком. Только не учла, что для ослабленных мышц такие подвиги — перебор. Я запуталась в ногах и полетела носом в спину мужчины. Его реакция была мгновенной.

Я испугаться не успела, как оказалась подхвачена на руки и прижата к мужской груди. Его разворот даже перед глазами не мелькнул.

— Больная, что ли... — задумчиво сказал Рыжик.

Мне бы оскорбиться, но тут я вспомнила про обезболивающее.

— Точно! У меня с собой должен быть чемоданчик с лекарством, если ваш Лу и его не испепелил.

Мужчина напрягся, обернулся. Я сделала вид, что меня совсем не смущают чужие лапищи, ухватившие за ягодицы. А пиджак, между прочим, на булочки не натянешь!

— Он? — кивнул на моё единственное сокровище.

Не дожидаясь ответа, размашисто дошагал до чемоданчика, подхватил его и вернулся к прежнему курсу.

И всё это не отпуская меня с рук. Я им уже почти восхищаюсь. В цирк его точно приняли бы!

Но всё равно Рыжик был каким-то странным. Ничего не говорит и не спрашивает, идёт по своим делам, меня несёт. Можно подумать, ему каждую неделю девиц подсовывают.

— Послушайте, может, уже познакомимся? Меня Ульяна зовут, а вас?

— Дейтон Оллфорд, действующий император Эпсилона.

А-а, поняла. Он не фанат фэн-шуя, и с учёным они точно родственники. Псих, в общем. Как сказала бы Снежа, это у них семейное сумасшествие.

Дыхание резко перехватило. Я напряглась, сжала ладони в кулаки, зажмурилась и... ничего. Никаких воспоминаний о себе любимой. Но откуда-то я же взяла мысль, что сказала бы Снежана! Пусть учёный рассказывал про свою жену и нашу дружбу, но этого мало, чтобы я представила, что сказал бы посторонний мне человек. Значит, вспоминаю? Столько дней в капсуле и после неё — ничего, а сейчас — вдруг вспомнила?

Хорошо, допустим, вокруг меня не сумасшедшие. Только допустим! Опустим, что я во всё это не верю и без весомых доказательств никаких императоров не признаю. Тогда что у нас на выходе? Нарушение в непонятной энергии, из-за которой у меня провалы в памяти и Хтонь, который Лу, что меня возбудил, поймел и бросил. Если так, то почему бы и мне не стать немножко учёным и не повторить эксперимент?

— Дейтон... Я же могу вас так называть? — издалека начала я и, получив короткий кивок (ха, а ещё говорит: император!), продолжила: — Скажите, вы хорошо знакомы с... Лу? Можете подсказать, как мне с ним снова встретиться?

Реакция Рыжика поразила до глубины души. До пятки, куда она со страха прыгнула.

Мужчина резко разжал руки. Упав, отбила себе всё, что было можно. Но Рыжику этого показалось мало. Он вздёргнул меня за лацканы пиджака и впечатал в стену. Нависнув сверху разъярённым львом, зарычал:

— Думаешь, приняла сыворотку, привлекла моего Лу и всё, приз выигран? Зря радуешься. Мне плевать, кто ты и зачем тебя сюда послали мои р-родственнички. Плевать, кто и что рассказал тебе о моей проблеме. У меня уже есть жена, и никакая фальшивка не займёт её место. Поняла?

Глава 3

Я сидела в роскошном кожаном кресле, забравшись в него с ногами и кое-как прикрывшись пиджаком, и слушала, как натужно скрепят шестерёнки в моей голове. Приличных слов не было, зато неприличных... Лучше бы про свою жизнь вспомнила, чем это! А всё потому, что за стеклом передо мной был космос.

Все дырявые носки мира, но почему космос? Почему меня не могло занести в дикие племена Африки или под палящее солнце пустыни? Почему я должна была попасть именно на космический корабль к императору чужой планеты, а?

Рыжик, к слову, не соврал. Мы пока шли до центра с пультом управления корабля, мужчине несколько раз «звонили». Ну, это я так назвала вспыхивающие перед нами голограммы с незнакомцами, которые весьма почтительно обращались к своему императору. В общем, Рыжик с учёным никакие не сумасшедшие, это я немного того — не всё помню, ничего не знаю и что делать дальше даже слабо не представляю.

Вопросы задавать, после того как Дейтон нарычал на меня, страшно! Встретить бы сейчас учёного, да выдрать ему пепельную шевелюру по одной волосинке!

Новая информация заставила молчать и усиленно думать. Вот я и заняла единственное кресло в помещении, чтобы не мешаться ходящему из стороны в сторону императору. Он

кому-то «звонил» с планшета, а этот кто-то его нагло игнорировал. И я даже догадываюсь кто!

Император, к слову, дураком не был, игнор распознал и отдал ИскИну приказ разворачивать корабль домой, но дозваниваться не прекратил.

Наконец, голограмма перед Рыжиком вспыхнула, но почему-то не успокоила, а взбесила ещё сильнее.

— Итан, — процедил он сквозь зубы. — Я набирал Леандра.

Мужчина с какими-то нереально сине-фиолетовыми глазами с чёрной окантовкой открыл рот, закрыл, немного подумал и выдал:

— Он занят. Снежана ругается.

Я узнала этот голос. Слышала всего раз, но именно после визита этого мужчины в лабораторию учёному пришла в голову мысль меня сплавить.

— Надеюсь, она откусит ему голову, — Рыжик был весьма кровожаден.

— Да за кого ты принимаешь мою жену?!

— За хищную самку, лишившую меня самых перспективных родственников и оставившую без преемника!

— Я сейчас разорву связь.

— А я отправлю армию и сделаю из вашей планеты пепел.

— Что-то ты злой сегодня, Дейтон.

— Не делай вид, что не знаешь. Ни за что не поверю, что хоть кто-то из вашей семьи не в курсе. Не знаю, когда вы до-

стали мои последние энергетические анализы и зачем решили поглумиться...

— Это не препарат АН4, Дейтон, — резко перебил незнакомец. — Мы ничего не вкалывали Ульяне.

— Что? — оторопел император.

Было неожиданно увидеть, как резко уходит краска с лица Рыжика. Мужчина стремительно побледнел, даже посерел от этих слов.

— Мы. Ничего. Не. Кололи. Это Ульяна, подруга Снежаны. Их вместе похитили с Земли. Было подозрение, что Ульяне тоже изменили энергию, но подтверждений не было.

— И вы решили проверить свои подозрения на мне?!

— После того как ты захотел забрать нашего сына.

Император немного помолчал, а потом весьма угрожающе снова заговорил:

— Если об этом кто-нибудь узнает...

— Лучше бы спасибо сказал. Такие женщины с небес не падают.

— Да пошёл ты! — рыкнул император, разрывая связь. — ИскИн, кресло!

Почему-то подумала, что император хочет забрать то, в котором сижу я. Пнуть на пол нагло проникшую на корабль девицу, а лучше вообще выбросить её в открытый космос. Но нет, через пару минут, что я просидела, сжавшись и боясь дышать, в отсеке появился маленький робот, размером с тумбочку, и притащил близнеца «моего» кресла. Импера-

тор присел, побарабанил пальцами по подлокотнику и вдруг криво усмехнулся.

— С небес не падают, — передразнил мужчину с голограммы. — Зато они голышом врываются на твой корабль и требуют отдать пиджак!

Появилось острое желание оправдаться. Стало стыдно и немного жалко мужчину. Понятно же, что его карту разыграли вслепую. Так что я спустила ноги на пол, положила руки на колени и как самая примерная девочка произнесла:

— Я нечаянно к вам попала. Простите, пожалуйста.

У Рыжика почему-то дёрнулся глаз. Я решила, что это нервное от моего присутствия, и клятвенно пообещала:

— Вы только высадите меня на какой-нибудь планете, где жители не едят таких, как я, и я больше вас не побеспокою. Честно!

Ну, видно же, что мужчине напряжно возиться со мной. Кто я такая, чтобы мешать самому императору? Девушка без прошлого и с сомнительным будущим. Возвращаться к семье «подруги» тоже не вариант. Вдруг она из категории заклятых друзей? Да и мужа её вызывают большую тревогу. Власть имущие на Земле не зайчики. Думаю, планета Эпсилион не сильно отличается в этом плане. Так что лучше быть без памяти и затеряться среди простых, чем остаться рядом с Рыжиком, у которого разгон до разъярённого льва три секунды.

Глаза Дейтона полыхнули тьмой. В прямом смысле этого

слова. В долю секунды карие глаза мужчины стали абсолютно чёрными. Даже белки заволокло! Он прикрыл их ресницами, но я-то уже увидела.

М-мамочки!

Точно! Говорила мне мама в детстве: «не грехи, а то в ад попадаешь». Это он, да? Я не помню, но, наверное, всё-таки согрешила.

Возникшая мысль о собственном прошлом не принесла облегчения, наоборот, напугала ещё сильнее. Я вжалась в спинку кресла, инстинктивно пытаюсь увеличить расстояние между нами.

— Значит, ты хочешь, чтобы я высадил тебя на планете?
— задумчиво спросил инопланетный демон.

— Д-да. Можно?

— Можно. Почему нет? Не будем же мы вечно бороздить просторы космоса.

Я активно закивала. Космос — это хорошо, прекрасно, но земля под ногами намного лучше. Особенно если это земля без опасных существ.

— Но может, ты хочешь что-то спросить? Узнать, как сюда попала? Я многое знаю об истории твоей подруги.

Это оно? Обещание, с помощью которого демон поглотит невинную душу?

— Да знаете, пока как-то не хочется. Что-то устала, — не моргнув глазом, бодренько соврала я.

А как моргать, когда перед тобой чудовище сидит?! Чуть

заеваешься — и уже сожрана!

— Мне кажется, или ты меня испугалась, Ульяна?

— Нет, что... вы, — окончание я просипела, потому что мужчина распахнул ресницы, больше не пряча черноту глаз.

Не завизжала только потому, что голос от страха пропал.

— Ладно, значит, в другой раз. Иди в каюту. Найдёшь там что-нибудь из одежды и отдохнёшь. Лу тебя проводит.

И император испустил дух. В смысле, у него из груди вылетело знакомое похотливое облачко. Прямо на моих глазах оформилось в человеческую фигуру и протянуло мне руку.

Вот тут меня и заклинило. Сердце застучало сильнее, быстрее разгоняя кровь по венам. На щеках вспыхнул румянец, а внизу живота предательски потеплело. Совершенно ненормальная реакция на чёрного-пречёрного человека, который к тому же вышел из груди инопланетного демона. Я несколько минут просидела, пытаюсь справиться с собой, пока Лу, а может быть, Дейтону, это не надоело. Тёмная фигура поплыла, снова превращаясь в облачко, и атаковала, вонзившись в мою грудь.

Дейтон Олффорд

На одном упрямстве он втянул энергию и с яростью растёр лицо, чтобы не вырубиться вслед за землянкой. Хмыкнул. Стойкая ему попалась девочка. Он едва удержался, чтобы не отозвать Лу после второго оргазма, а она продержалась четыре и заставила продержаться его. Ещё и стонала так соблазнительно, что хотелось взять её прямо на кресле, окон-

чательно связав их энергии. Ему и сейчас этого хочется, но он же не мерзавец какой, чтобы пользоваться бессознательной землянкой.

— ИскИн, на корабле есть снотворное? Найди и усыпи нашу гостью до самого приземления. Только дозу рассчитай, хилая она какая-то.

Не хилая, скорее, хрупкая и беззащитная, но сказать это вслух, значит, признать свою слабость, а у него и так ситуация дерьмовей не бывает.

— Святые Ситару, за что? Послали же родственников!

Началось всё с того, что троюродный брат зачем-то потребовал в строгой секретности явиться к нему на орбиту и ждать. Лететь не хотелось, но Леандр же гениальный на всю голову, может такое учудить, что разбираться всем Эпсилионом придётся. Вон как в прошлый раз: усовершенствовал искусственный интеллект, разделил Лу, ещё и сыворотку придумал, изменяющую женскую энергию под мужчину. И что в итоге? Грандиозный заговор, покушения, сам в игрушку превратился, выбор преемника сорвал. Нет, идеи Леандра определённо нельзя оставлять без внимания. Вот и полетел, побросав все дела, и нарвался так, что если информация просочится, прошлый заговор цветочками покажется.

Дейтон же уже заскучал ждать, улетать собирался, когда освещение мигнуло красным и на экране появилась надпись «Опасность». ИскИн корабля сообщил о проникнувших на корабль паразитах, порекомендовав немедленную дезинфек-

цию. Вот император и выпустил энергию, отправив Лу проверять непонятных паразитов. Несколько минут ничего не происходило, а потом...

Резонанс у него уже был, давно, правда. С женой. Но тогда он был неполным, а со временем, когда энергия сильно разрослась, ему пришлось перейти на баллоны с искусственным резонансом. Их хватало ненадолго, срывался он всё чаще. Оставалось всего пару лет, когда ему пришлось бы переселиться в колонию, чтобы не подвергать других опасности.

Нет, они бы разыграли его гибель, провели церемонию так, что никто бы не догадался и на императорскую семью не упала тень, но итог бы не изменился. Дейтон нарушил правила, когда выбрал в жены девушку с неполным резонансом. Он знал, что со временем процент совместимости уменьшится, но не ожидал, что расплата придёт так скоро.

Азалия смотрела с сожалением, но сделать ничего могла. Он не винил жену, как не винил других её мужей. Если бы не они, то у него никогда не было бы семьи, он бы никогда не смог поддержать детей на руках, да и трона у него не было. Впрочем, трон — это единственное, что сейчас у Дейтона осталось. Дети выросли, женились и отказались оставаться на Эпсилионе, а жена давно превратилась в бывшую любовницу и верную подругу. Но то, что произошло сегодня...

Дейтон не кончал в штаны даже подростком. Потому что позорно это и неприятно, когда мокро и липко. Так что землянка здорово стряхнула с него спесь и растоптала гордость.

Но хуже всего было то, что он принял её за присланную братом проститутку и наговорил лишнего.

Кстати, о родственничке... Через коммуникатор прошёл личный вызов, и император, немного посомневавшись, накрыл рукой широкий металлический браслет, вновь возвращая ему невидимость. Подождёт Леандр, как Дейтон его вызывал и ждал.

— ИскИн, что со снотворным на корабле? Почему до сих пор не выполнен приказ?

— Приказ выполнен, мой император. Всё снотворное уничтожено, — отозвалась цифровая зараза.

Сначала показалось, что он ослышался. Потом — что несколько сильных оргазмов после длительного воздержания кратковременно повредили мозг, и он напутал с приказом. Но коммуникатор на руке снова замигал вызовом, и император всё понял. К сожалению.

— Вот мерзавец!

Перед глазами появилась голограмма ИскИна, пошла рябью, и голосом троюродного брата императора произнесла:

— Нехорошо так о любимых родственниках говорить.

Все древние расы вселенной, как у него глаз ещё не дёргается, а? Только кулаки сжались, да Лу агрессивно взбрыкнул, собираясь вновь перехватить контроль.

Хватит, доперехватывался уже — напугал землянку до нервной дрожи, объясняйся с ней теперь.

— Желание уничтожить вашу планету кажется всё более

привлекательным. Но вы ведь и в открытом космосе выживете. Как давно ты взломал мой корабль?

— Это всё, что тебя интересует? — поинтересовалась голограмма ИскИн насмешливо. Получилось жутко. Он ещё от прошлого захвата дворца искусственным интеллектом не отошёл, а тут Леандр со своими шуточками. — Выйди в другой отсек, если хочешь её усыпить. Я запущу газ. Ульяне сейчас нельзя никакие медикаменты, кроме тех, что я специально для неё разработал.

— Значит, давно взломал, — кивнул своим мыслям Дейтон.

За пять минут корабль незаметно ничем не оснастишь.

— Конечно. Я обещал жене вылечить её подругу, а не угробить. Так что, выходишь? Или предпочтёшь провести полёт в приятной компании?

Разве у него был выбор?

Застыв в коридоре между отсеками, Дейтон хмуро поинтересовался у брата:

— Ну?

— Помнишь, я недавно с разработкой перестарался? — начал Леандр издалека.

— Твоё собственное творение украло у тебя энергию, подчинило чип и отправило тебя моей снохе в качестве игрушки — это, по-твоему, просто перестарался?

— Но закончилось же всё хорошо.

— Угу, ты очухался и украл у моих сыновей жену!

— Смотри, чтобы у тебя жену не украли. Ведь если тебя так приложило, то она и остальным свободным родственникам подойдёт, — парировал собеседник насмешливо.

Император только зубами скрипнул, поняв, что у его позора был свидетель.

— Но раз ты такой злопамятный и сам всё знаешь, то давай к делу. Девушку зовут Ульяна. Сейчас её здоровье полностью зависит от моих умелых рук, которыми я её собрал. Поэтому, если что, обращайся. Все файлы, что с ней делали, я пришлю. Но лучше не смотри, если не хочешь потом дворец отстраивать. Когда землянку нашли, живого в ней оставалось мало. Что касается энергии — сам видишь. Даже со всеми своими знаниями я бы ей не помог. Ей нужен резонанс. Желательно часто, чтобы разрывы затягивались и дальше не рвалось, где тонко. Уже хотел подобрать ей кого-нибудь, но тут подвернулся ты. Поэтому храни, лечи, владей. Я её немного напугал, так что время у тебя есть. Сразу не сбежит, считает, что некуда.

— То есть ты всерьёз думаешь, что она попытается от меня сбежать?

Голограмма пошла рябью сильнее и будто пожала плечами.

— Снежана многое о подруге рассказывала.

И император сорвался.

— Я тебя об этом просил?! — заорал он на брата. — Думаешь, у меня есть время сейчас ловить какую-то девчонку?!

— Ты всё равно собирался подстроить свою смерть, — не понял собеседник проблемы. Конечно, куда ему, сыну науки, до политических игр. — Умри сейчас.

Святые Ситару, заберите себе этого умника и прикопайте где-нибудь!

Император с трудом вернул себе самообладание и утихомирил Лу. Резонанс энергий — это хорошо, но до полного контроля далеко. И, похоже, пока связь не закреплена, проблема будет только расти. По крайней мере, до встречи с землянкой Лу не пытался так часто его подчинить.

Глубокий вдох, и Дейтон уже почти спокойно интересуется:

— Что ещё говорила моя сноха?

Нужно же знать, как скоро она примчится спасать подруженьку. После того как наследники наотрез отказались от трона, отношения со снохой и сыновьями ухудшились.

— Ты точно хочешь это знать? Тогда цитирую: Уля его в бараний рог скрутит, если он её обидит, — «обрадовал» троюродный брат императора. А потом ещё и от себя добавил: — Но знаешь, я всё-таки немного переживаю. Поэтому, если у землянки отомстить не получится, это сделаю я.

Ответа Леандр ждать не стал, отключился, а Дейтон на угрозу даже разозлиться не смог. Полноценный резонанс делает из мужчин идиотов, готовых на всё ради своей женщины, и он, Дейтон Оллфорд, император Эпсилона, теперь один из них.

Стон, сорвавшийся с губ мужчины, мрачной тенью пронёсся по коридорам корабля.

Глава 4

Ульяна

Мне снилась маленькая светловолосая и круглощёкая девчонка. Она смеялась над старшим братом, который корчил ей рожицы, и требовала показать что-нибудь ещё. Кажется, это был какой-то праздник, потому что посреди помещения стоял стол, а на стенах висели шарики. Взрослые мельтешили перед глазами, расставляя блюда, но они были не так интересны, как мальчишка, которого заставили присматривать за сестрой.

Проснувшись, так и не смогла понять: девчонка из сна это я или нет. Это был именно сон, а не фрагмент воспоминания, что накатывали на меня раньше. Так что определить правда это или вымысел замученного мозга не получилось. Зато полежав немного с закрытыми глазами, пришла к выводу, что я бодрa и полна сил. Пожалуй, я чувствую себя лучше, чем когда-либо. Хотелось подскочить с кровати и срочно что-нибудь делать.

«Хотя бы помыться», — пришла в голову мысль, когда вспомнила, где я и что было перед тем, как я отрубилась.

В общем, сказано — сделано! Я подскочила с кровати, на которой меня расположили, и даже не расстроилась, обнаружив, что мышечная слабость никуда не делась. Зато в голове светло, вот! Везде нужно искать плюсы.

Ну я и отправилась... искать. Облазила всю каюту, заглянула под прикрученную к полу кровать, сделала инспекцию шкафу и чудом обнаружила замаскированную под стену дверь в душ. Заодно убедилась, что император — тот ещё бабник! Это же надо было додуматься устроить меня в собственной каюте на кровати, которую делит с женой! Иначе откуда так много женских вещей? Я бы, может, помечтала, что это забота обо мне, но нет — хозяйка вещей весьма фигуристая женщина, и все её вещи на мне висели... бы, если бы я их одела. Но я почему-то побрезговала. Вместо роскошного красного платья надела не менее роскошную красную мужскую рубашку и подвязала её найденным поясом. Тоже красным.

Фетиш, что ли, у Рыжика? Может сказать ему, что для рыжих есть и другие цвета?

Немного понаглела и попросила у ИскИна зеркало. Если уж кресло нашлось, то может и малюсенькое зеркало где-нибудь завизжалось на корабле. И чуть не завизжала от радости, когда одна из стен вдруг стала зеркальной. Во-первых, это наверняка какие-никакие, а технологии, а во-вторых, ИскИн меня послушался! В лаборатории был полный игнор, а здесь же...

— ИскИн, милый, а Расскажи мне про своего хозяина.

— Госпожа, вы желаете услышать про императора? — учтиво ответил механический голос

— Угу, о нём самом.

Надо же... госпожа. Мило.

— Дейтон Оллфорд, женат на Азалии Оллфорд, имеет в соправителях...

Я слушала, задавала все новые вопросы и крутилась перед зеркалом. Всё-таки худоба женщину не красит, надо поднабрать килограммов пять хотя бы. А то стыдно, что даже подержаться не за что. Впрочем, это меньшее из моих проблем. Посему выходило, что попала я конкретно. Первое и, пожалуй, главное — о местоположении планеты Земля здесь не знают и вернуть меня домой никто не сможет, даже если бы я вспомнила, в каком городе и на какой улице этот дом. А значит, приспособливаться придётся к тому, что имеем.

Я оказалась в галактике Сактур, где бы она ни находилась. Если быть точнее, то у императора полуживой планеты Эпсилион. И «полуживая» она не потому, что её вторая половина мертва, а потому что вся пронизана странной энергией, а жители этой планеты — настоящие мутанты. Я даже присела, когда ИскИн начал излагать сухие отчёты о количестве мужских особей с агрессивной энергией Лу и женских особей с пассивной энергией, обитающих на планете.

Правил Рыжик не один, а вместе с императрицей и четырьмя соправителями: Николасом, Каем, Джейм и Барселем. Впрочем, фактически власть в основном принадлежала Дейтону, а остальные выполняли роль защитников императрицы. Так что, как ни крути, я оказалась в руках важной хищной птицы. Или это не руки были? Как называть по-

хотливую тучку Лу и её части тела, я ещё не решила. Информации, как назло, не было. ИскИн трижды произнёс «запрет», прежде чем я перестала перефразировать одни и те же вопросы. Я не сдалась, просто решила, что позже спрошу у Дейтона, которому... оказалось почти сто пятьдесят лет!

Хорошо, что в тот момент я сидела на кровати, иначе села бы прямо там, где стояла. Эпсилионцы оказались долгожителями, и их возраст полностью зависел от силы внутренней энергии — того самого похотливого Лу, который живёт в каждом мужчине! Нет, я всегда знала, что секс на ночь — это лучше, чем кекс в полутёмной кухне перед сном, и к ожирению не ведёт, но чтобы до такой степени...!

Стоп. А откуда я это знала? Отмахнувшись от ИскИна, я закрыла глаза и прислушалась к себе. Снова ничего и...

«Ты мне ещё секс с кексом предложи, и пожрёшь, и спортом займёшься», — засмеялась какая-то женщина в моей голове. Я аж подпрыгнула от неожиданности. Отражение в зеркале подпрыгнуло вместе со мной — и всё. Больше никого в каюте не было.

Вот не зря говорят, что секс — сила животворящая. Правда, секса как такового не было, только оргазмы, но... В голове светло, я догадалась задать вопросы искусственному интеллекту. Активность сразу возросла, хочется куда-то бежать и что-то делать, а окружающий мир как будто стал ярче, чётче и интереснее. Неужели это правда?

Я собрала волосы у висков и чуть потянула их. Поче-

му-то показалось, что мне так лучше думается. В отражении на верхнем кончике моего уха что-то блеснуло. Пришлось встать и подойти к зеркалу, чтобы разглядеть получше. Разглядела. Маленький металлический круглый камушек. Пирсинг. Почти незаметный, если не приглядываться. Вот, я его раньше и не заметила.

Та-а-ак...

— ИскИн, это что? — ткнула пальцем в своё ухо.

— Клипса-чип с обучающимся переводчиком. Стандартная модель. Идентифицирует обладателя, передаёт данные в систему и посылает сигнал бедствия в случае необходимости. Назвать номер вашего симбионта?

Симби... кого? Меня что, чипировали? Как какую-то корову?!

Впрочем, если подумать, это не самое страшное и возмутительное, что со мной произошло. Я же не пыхчу чайником из-за того, что мне вставили синтетические органы, так что и здесь не буду. Чип, скорее всего, мне поставили в лаборатории, иначе я бы не понимала инопланетян. Как бы то ни было, это можно расценивать как заботу, даже если потом за неё выставят счёт. Возмутительным было другое: меня снова усыпили!

Безэмоциональный ИскИн бодро отрапортовал, что до приземления на Эпсилион осталось пять часов галактического пути, а планета, с которой меня подобрали, находится в девяноста шести часах пути от Эпсилиона. Посчитать, сколь-

ко часов я была в отключке, и сделать выводы было несложно. Но теперь хотя бы стало понятно, почему так сильно хотелось есть.

Боже, какая безумная галактика! Какие беспардонные инопланетяне! Почему, если что-то в девушке не устраивает, её сразу отправляют спать? Они вообще нормальные?!

Или Дейтон думал, что, поспав, я забуду, чей похотливый Лу несколько раз заставил меня кончить?

К слову, дверь в каюту, или в спальный отсек, как это называл искусственный интеллект, оказалась закрыта. В общем, гостеприимство во всей его космической красе.

А может, Рыжик рассчитывал, что я умру голодной смертью и избавлю его от проблем в моём лице?

Пожалуй, это была бы лучшая версия, если бы не одно «но». Узнав, сколько я провела в отключке, я вспомнила про обезболивающее. Учёный сказал, что колоть его надо раз в сутки, а прошло явно больше. Только вот...

Болей не было.

И на корабле, кроме меня и императора, тоже... никого не было.

Клянусь, у меня глаз задёргался, когда я поняла, кто меня тут в каюте голенькую лечил. Пришлось искать, куда сделали укол. Нашла...

О, как я рычала, обнаружив небольшой, круглый синячок с точкой посередине на своей ягодице! Мало того что тучкой отымел, так ещё и вживую облапал! Неудивительно, что

ИскИн срочно вызвал императора, решив, что я умом тронулась.

В общем, рычать я перестала, села на кровать и сложила руки на коленях. Когда пришёл император, я уже из последних сил сдерживалась, чтобы не начать предъявлять претензии. Боязно это как-то. Я лучше потом, когда буду на безопасном расстоянии, напишу письмо, где всё-всё в красках распишу. Пусть не сомневается, ни о чём не забуду.

Дейтон явился — та-дам! — во всём красном. Я даже не удивилась, только посмотрела на него красноречиво.

— Что? — буркнул он вместо приветствия, застряв в проходе. — ИскИн доложил, что у тебя истерика. Хотя ты должна была спать ещё восемь часов!

И тон у него был такой обвинительный, мол, чего встала и дёргаешь важного чела... гуманоида.

Это было всё. Вообще всё. Абсолютно.

Видимо, я дошла до невидимой точки и перешагнула её. Как-то разом терпение с благоразумием закончилось, страх, ойкнув, свалил в кусты, а перед глазами встала... Нет, не пелена: табличка «голодная женщина — злая женщина». Потому что вдобавок ко всему от императора пахло мясом. Будто он его жарил или... ел!

Я улыбнулась мило, ласково, ну или как получилось, и нежно заворковала:

— Ничего. А вы, я смотрю, снова в красном.

— Это цвет императорской семьи, — с каменной мордой

отозвался рыжий демонюка. То есть эпсилонец.

Я покивала с самым умным видом и ещё нежнее с придыханием спросила:

— Что, в другом не узнают?

Я не хотела грустить. Если только немного. Между прочим, он мои ягодицы трогал и довёл до оргазма раз семь за полчаса знакомства — имею право на компенсацию! Сама не знаю, откуда это взялось. Я собиралась, как истинная женщина, обвинить, покричать, поплакать. Но...

Это был Тот Самый Страйк, которого ждёшь с замиранием сердца.

Император покраснел. Весь! Потом, правда, почернел — тоже весь. И быстро отступил. Уже ИскИн передал, что Дейтон зайдёт за мной через полчаса и чтобы я привела себя в порядок к этому времени.

«Пусть заходит», — мысленно усмехнулась я, вставая с кровати и одёргивая рубашку на голом теле — чужим бельём я тоже побрезговала. — А я пока кухню найду и поем. Отсек-то он в этот раз запереть забыл!

Медленно, с остановочками разгуливая по коридорам корабля и с удовольствием всё рассматривая, я думала: у Рыжика действительно не только глаза почернели, но и вены на лице и шее, или мне показалось?

Глава 5

Императорский ИскИн — настоящая находка для шпиона: он и дорогу покажет, и обо всём расскажет. На кухню я шла медленно, внимательно прислушиваясь к своему телу — растянуться на металлическом полу и снова отбить то, что едва отжило после первой встречи с Рыжиком, мне не хотелось. Всё-таки «хорошо» он швырнул меня об пол, а потом ещё и впечатал в стену.

А может, дело в том, что я на самом деле дошла до ручки и больше ничего не боялась? Предохранитель сгорел, и заклинило инстинкт самосохранения. Встреть я сейчас разъярённого почерневшего демонюку — даже не вздрогну. Поэтому я позволила себе прогуляться до кухни, глаза по сторонам. ИскИн чуть ли не нахваливал императорскую семью и вообще всех родственников Рыжика, мудро и долго правивших полуживой планетой, а я потихоньку зверела. И совсем не потому, что кто-то зомбировал простой народ, продвигая собственную политику, а потому что думала о себе и своей участи.

«Ты прям как Юлий Цезарь, — снова засмеялся женский голос в голове, — опять несколько дел одновременно».

В этот раз я не подпрыгнула, почти смирившись со слуховыми галлюцинациями. Лучше бы было разом вспомнить прошлое, но и так сойдёт. Буду надеяться, что воспомина-

ния как ручеёк, который обязательно проложит себе путь до моря.

— Император Дейтон, правящий Эпсилионом, восхваляется за свою мудрость и дальновидность. Под его руководством была построена Великая Звёздная Арка, соединяющая главные города планеты и служащая местом для встреч и обмена знаниями. Благодаря этому проекту Эпсилион стал центром науки и культуры в галактике, привлекая учёных и исследователей со всех концов Вселенной. Его правление стало золотым веком... — продолжал расписывать достоинства Рыжика ИскИн, когда я, наконец, дошла до кухонного отсека.

— А, по-моему, он просто мудака, — перебила умную программу и скомандовала: — Достаточно.

Каким бы замечательным инопланетным правителем он ни был, к бедной беззащитной попаданке отнёсся как последняя скотина. Он меня трахнул! Усыпил и запер!

«И по его подсчётам, — мысленно я скопировала тон эпсилонца, — я должна была проспать ещё восемь часов. Времени как раз хватило бы, чтобы перенести меня с корабля во дворец и запереть уже там. И не факт, что после того, как я разок огрызнулась, он откинул эту затею».

На самом деле проблема была гораздо серьёзнее, чем то, что император, в отличие от меня, не голодал. Просто запах еды стал тем самым спусковым крючком, который выпустил пулю. Я всё поняла и кипела ещё задолго до прихода Дейто-

на, просто не хотелось признавать это вслух. Как будто если я не произнесу, что из меня решили сделать постельную игрушку, действительность изменится. Вот и стала болтать с искусственным интеллектом, выпытывая информацию. Поэтому что, если остаться наедине со своими мыслями, моё настоящее — полная дрянь.

Как будто если не думать, участь чужого подарка обойдёт меня стороной.

Не обошла. И это подтвердило поведение императора, когда он вместо приветствия мне «штокнул». А дальше больше... Вместо того чтобы извиниться или хотя бы объяснить, с какого перепуга он натравил на меня своего Лу, он высказал претензию. Я же после объяснения ИскИна уже не считала Дейтона демоном из преисподней, а значит, и боялась не так сильно. Он всего лишь инопланетный гуманоид. Да, император, но и это можно сравнить с олигархом... похитившим студентку, чтобы с ней развлечься.

Стоит ли удивляться, что всё положительное о Рыжике я воспринимала в штыки? Одно дело — возбудиться от какой-то тучки, это непонятно и странно, а ещё капельку любопытно. Совсем другое дело, когда этой тучкой руководит похотливый женатый мужик!

А раз так, то и вести себя я буду соответствующе. Мы ещё посмотрим, кто из нас подарок и чей, и как быстро император захочет от меня избавиться.

Смерти я боялась, но пройти по острому лезвию ножа по-

пробую. Вот, казалось бы, занесло в чужую галактику, меня лишили памяти и средств к существованию. И чтобы выжить, требуют малого: раздвигать ноги и радоваться. Но... это так противно.

В одном я уверена точно: ничьей любовницей я не буду. Лучше с голоду умирать, чем греть женатого.

Кстати, о голоде... Кухня на космическом корабле была просторной и навороченной. Я даже засомневалась, смогу ли с помощью ИскИна среди всех этих шкафчиков и кнопочек добыть себе еды. Может, стоило наступить на внезапно проснувшуюся гордость и смиренно принять кусочек пищи? Но, к счастью, мне повезло — я действительно отвлекла императора от обеда, да ещё и до того, как он к нему приступил.

Полюбовалась громадным куском жареного мяса на местной «сковороде» и, не испытывая мук совести, отрезала себе кусочек. С овощами мне помог искусственный интеллект, подсказав, что из ящиков холодильник, а что — хлебница.

Дейтон объявился только тогда, когда я с удовольствием жевала третий кусок. Он посмотрел на «мой» обед, придвинул второй стул к «моему» столу и сел, сложив руки на груди.

Сначала я напряглась, но потом заставила себя расслабиться и даже приветственно отсалютовала стаканом с компотом или лимонадом — я так и не разобралась, что это за штука, но она была вкусной.

— Тебе никто не говорил, что ты наглая? — спросил Рыжик.

— Не знаю, — беззаботно пожала плечами и чуть улыбнулась. — Но если вспомню, обязательно расскажу.

— У Леандра так же себя вела?

— Мм... Нет. Там я молчала и делала всё, что мне скажут, а потом раз — и оказалась здесь. И знаете, мне это не очень понравилось. Пришлось сменить тактику. А что? Ой, только не надо смотреть на меня такими голодными глазами. Я не всё ваше мясо забрала. Там ещё осталось. Кстати, вкусно. Сами жарили или только разогрели?

— Разогреть и отжарить я ещё ничего не успел.

Я чуть не подавилась. Решила, что мне послышалось, но нет. Император смотрел прямо, нагло и снова чернеющими глазами.

Сначала хотела проигнорировать, но потом хмыкнула, не став делать вид, что не поняла.

— И это даже хорошо. Зачем нужна фальшивка, когда есть жена? Я помню. К счастью, качество памяти из-за потери воспоминаний у меня не пострадало. Я запоминаю с первого раза, не стоит повторяться, — и подмигнула.

Дейтон тоже подмигнул. Ан-нет, это просто глаз у него дёрнулся. Хм, бывает.

— Я в курсе, что ты ищешь информацию. Много узнала? Это он про ИскИна? Ну, не удивительно, что он проверил, чем я занималась. Скорее всего, корабль напичкан камерами. Да и вездесущий говорливый ИскИн...

— Я интересовалась вашей расой, раз мы летим на Эп-

силион, — не стала отрицать. — Узнала достаточно, но не поняла, почему мужская энергия агрессивная и её называют Лу, а женская без имени и пассивная. И мне непонятно, каково это — жить так. У вас раздвоение личности?

— Нет у меня никакого раздвоения. Лу — это я, мои желания, мои предпочтения. Энергия — это часть каждого эпсилионца. У женщин она пассивная и не имеет выхода из тела. У мужчин агрессивная — может материализоваться и превратить всё вокруг в пыль. Но тебя же не это на самом деле интересовало?

Конечно, нет! Но не спрашивать же прямо, почему я кончаю, стоит чёрной гадости меня коснуться!

— На самом деле меня интересует вопрос: кто я на этом корабле? Пленница?

Император замер, задумался, а потом неожиданно расслабился: каменные плечи чуть опустились, ладони расслабленно легли на стол, а из глаз ушла чернота. Он ответил мягко, довольным:

— Да. Ты, Ульяна — моя пленница. Гостья другой галактики, обманом проникшая на мой корабль. И пока я не решу, что с тобой делать, ты всегда обязана быть рядом со мной. На моих глазах.

Зато с меня фальшивую расслабленность как ветром сдуло. Не поняла. Это что, я подсказала ему ответ на какой-то вопрос? Или вообще вырыла себе яму?

Я спешно стиснула зубы и медленно, глубоко задыша-

ла. Перед глазами мелькали сплошь непечатные выражения. «Гад» и «подлец» были самыми культурными из них. Кажется, я знаю, почему Леандру пришлось пришить мне синтетический язык вместо вырезанного — сейчас моему мысленному лексикону позавидовал бы даже сапожник. Но вслух это произносить было нельзя, так что я продолжала медленно дышать, пока желание обматерить императора не поутихло.

«Ничего, ничего. Будет и на моей улице грузовик с печеньками. Посмотрим, кто из нас двоих тогда на матерном запоёт», — наконец уговорила я себя.

Расслабила занывшую челюсть и, отбросив все ужимки, заговорила прямо:

— Дейтон, давайте начистоту. Вы прекрасно знаете, кто я. Меня прислал ваш родственник. Я подруга его жены. Называть меня шпионкой, как минимум неразумно, а для императора придумывать такой предлог, чтобы держать девицу подле себя и вовсе глупо. Просто скажите, зачем я вам? Почему не желаете высадить на абсолютно любой планете и вздохнуть спокойно? И, наконец, объясните, что вы со своим Лу себе позволяете? Вы в курсе, что я могу посчитать ваши поползновения насилием и при первой возможности не только сдать вас жене, но и прессе! Я уже узнала, репортёры у вас есть.

— Хорошо, что предупредила, — криво усмехнулся император. — Моя жена тебе будет рада, а что касается репор-

тёров... Я всегда могу сделать так, — и он махнул рукой, показывая, как «так».

И ладно бы просто махнул! Сорвавшаяся с пальцев тень, лучше любых слов показала, где именно император видит шантажистов: в гробу или в более некультурном месте — не могу ответить точно, потому что стул подо мной мгновенно рассыпался в пепел, а вот я... Упасть не успела, эпсилионская энергия мягко меня подхватила, аккуратно опуская на пол. Но лучше бы я снова себе всё отбила! Потому как тело отреагировало уже привычно: сердце забилося в бешеном ритме, а внизу живота разлилась сладкая дрожь. Я замерла, ощущая, как пульсация охватывает каждую клеточку. С каждым вдохом будто кто-то невидимый звал меня в бездну, обещая удовольствие. Возбуждение было одновременно пугающим и манящим, как край пропасти. Внутри разгорелось пламя, требующее выхода, и я знала, что произойдёт дальше, но не смогла ничего изменить. Время застыло, как капля, готовая упасть, и в этот момент я закричала, содрогаясь от мощнейшего оргазма, и лишь краешком сознания уловила тихий мужской стон.

— Вы... Вы... — я никак не могла выплюнуть ругательство враз пересохшим горлом. Просто сидела на полу, прикрываясь тем, что осталось от рубашки. Там, где меня коснулся Лу, не осталось даже ошмётка ткани. — Я вас ненавижу! Почему я вообще должна кончать каждый раз, когда вы выпускаете эту дрянь?! Вы знаете, кто вы? Вы... — и тут я случайно

посмотрела под стол, на мужские штаны. Крошка благоразумия, которая позволяла мне даже орать уважительно, испарилась. — Ты грёбанный извращенец, — закончила я тихо и серьёзно.

А как ещё его назвать? Мокрое пятно там, куда девственницам даже смотреть неприлично, ясно намекнуло, что оргазмы от контакта ловлю не только я. И чему должна быть рада его жена? Этому?

Открыла рот, чтобы продолжить ругаться и, наконец, выяснить, что происходит... и провалилась в воспоминание.

«Я сидела на одноместной скрипучей кровати, прижав ноги к себе и обхватив их руками, и хихикала. Сзади на крашеной в зелёный цвет стене висел плакат какого-то металлиста, а напротив, на такой же кровати, заправленной бюджетным покрывалом, сидела моя соседка по общаге. Лица я не видела, но точно знала, что она слушает меня внимательно.

— Да я серьёзно тебе говорю: они извращенцы. Эти, как их... свингеры, во! Я сама слышала, как Лёшка сказал Дёму приводить свою кобылу, мол, он её объездит, раз тот не может.

Слов соседки не разобрать, но мой ответ память выдала чётко.

— Что? Какой инподром? А кобыла — это... — я из воспоминания стыдливо прикрыла глаза одной рукой, а второй на ощупь взяла с тумбочки учебник, открыла его, но не для

того, чтобы читать, а чтобы спрятаться за ним. — Ыыы! А я ведь поверила им! Они так ещё бровями играли, гады! С собой звали.

— ...

— Что-что! Сказала, приму их приглашение в следующий раз, когда встречу того, кого захочу объездить. Ой, всё! Давай учить. Завтра опрос на первой паре».

Чёткая картинка пропала, но воспоминания на этом не закончились. Какие-то смазанные видения с учебниками, кафедрами и столовой ввинтились в мозг, мешая нормально думать, анализировать. Ничего конкретного я не увидела, но когда, наконец, пришла в себя, появилось чёткое осознание, что я когда-то была студенткой журфака и даже закончила его. Или не я, а... Снежана? Это она училась на журналиста и жила со мной в одной комнате. Так, а кем тогда была я?

Времени, чтобы обдумать произошедшее, у меня не было, потому что Рыжик не стал ждать, когда я приду в себя, подхватил меня на руки и куда-то понёс. После оргазма в теле чувствовалась приятная расслабленность, так что транспортировке я возражать не стала, только открыла глаза, чтобы он не думал воспользоваться мной, пока я в бессознательном. Сил, конечно, на сопротивление хотя бы словесное сейчас нет, но может, у него из-за моих прекрасных глаз совесть проснётся? Кто знает...

То ли эпсилюнцу хватило одного оргазма, то ли он и не думал насильничать, но моему адекватному виду он не огор-

чился. Более того, он решил извиниться. У меня чуть глаза на лоб не полезли, когда император заговорил.

— Извини, я не хотел с тобой так... Вернее, хотел, но собирался сначала объясниться. Разозлился, поддался натиску Лу. Древние! Как же сложно сейчас думать! Можешь не дёргаться? Иначе до душа мы не дойдём.

Я не дёргалась, я сползала! Потому что кое-кто решил вспомнить о приличиях и теперь старался меня нести, руками не касаясь ягодиц. А мне, между прочим, так неудобно! Я уже почти смирилась с ролью бесстыжей любовницы. Сложно отрицать очевидное, даже если очень хочется.

— Можешь объясниться сейчас, — чопорно подсказала я. — И начни с того, где твоя жена рада любовнице, а то мне очень неуютно быть третьей в вашем пятидесятилетнем союзе.

Хотя... Я задумалась. Если они столько лет в браке, то, возможно, временные интрижки — это то, что помогает им оставаться вместе? Шутка ли, столько лет терпеть друг друга? Может, там дополнительные мужья императрицы и не мужья вовсе, а любовники?

Рыжик глубоко вдохнул, нервно подкинул меня выше, потому что ягодицами я всё-таки согрешила — коснулась весьма боевой части эпсилюнца и процедил ругательство сквозь зубы.

— Я могу сама... — робко напомнила я.

Состояние было странным. Мне хотелось облизнуться и

специально поёрзать. Будто мне... мало? Хотелось наплевать на всё и взять то, что принадлежит... мне?

Хорошо, что Рыжик меня не послушался, а то бы я споткнулась от таких собственнических мыслей.

— Так, поставь меня, — практически приказала я. — У меня странные мысли и желания. Давай будем держаться по-дальше друг от друга.

— Бесполезно, — шумно выдохнул Рыжик. — Наши энергии вошли в резонанс. Ты принадлежишь мне, а я тебе. Нравится нам происходящее или нет, уже ничего не изменить. Могла хотя бы спросить у моего братца, зачем он посылает тебя ко мне на корабль. Теперь уже поздно.

Я ненадолго зависла, потому что слышать про энергию было дико. Всё вокруг меня было диким, но я пыталась смириться с действительностью. Покрутила в голове слова эпси-лионца, засунула подальше удивление от того, что меня перестали считать фальшивкой и подарили целого императора, и всё-таки вычленила главное:

— И зачем меня отправили к тебе на корабль? — спросила осторожно.

— Чтобы избавить от проблем с энергией и памятью, а заодно помочь мне вернуть контроль над Лу.

— И сколько это будет длиться? Как долго мне придётся гостить у тебя?

В целом, не всё так плохо. У мужика проблема с агрессивной энергией, у меня — с памятью. Мы сейчас друг друга (и

даже без проникновений!) подлатаем, и он вернётся к жене, а я к подруге, если смогу её вспомнить. Вселенная, оказывается, не такая уж необитаемая.

— Что сколько? — не понял эпсيليонец, заноса меня в каюту и сажая на кровать. Сам стал спешно избавляться от одежды. То есть он в душ первым?

Я залюбовалась Рыжиком. Хоть старичок, а на свои сто пятьдесят не выглядел, скорее на тридцать: литое поджарое тело, мускулы, словно вылепленные из мрамора, и гладкая сияющая кожа. Широкие плечи и мощная грудь с рельефными линиями подчёркивали каждое движение. Я не могла отвести взгляд от его сильных рук с длинными пальцами, которые могли бы... мм, что они могли бы, ах.

— Ульяна? — изверг щёлкнул пальцами у меня перед лицом, вырывая из пошлых мыслей.

Нет, дружить с эпсيليонцем точно надо на расстоянии, а то не мозги, а кисель!

— А? — О чём мы говорили? О! Вспомнила. — Я спрашиваю, сколько нам лечить друг друга? Пару кругов вокруг твоей планеты хватит? Было бы неплохо, если бы мы спустились на землю как незнакомцы. Может, для тебя это ничего не значит, но мне неудобно и стыдно перед твоей женой. Лучше разобраться с проблемами здесь, где нас никто не видит.

— Как незнакомцы? — севшим голосом переспросил император, стремительно чернея.

М-да, в прошлый раз мне не показалось, у него не только глаза чёрными становятся, но и вены. Жутко так под кожей просвечиваются.

— Как незнакомцы, — вновь повторил он.

Заклинило, что ли? Ан-нет, вроде отпустило, потому что повторять, как попугай, он перестал, но от его новых слов и тона мне стало не то что жутко, а по-настоящему страшно!

— Клянусь Ситару, — с прорывающимся рыком начал он, — я не трону тебя и пальцем, чтобы закрепить нашу связь! Ты будешь кончать от моего Лу до тех пор, пока вся дурь из головы не выйдет! Ты моя, Ульяна, до самой смерти. Поняла?!

Я часто закивала, решив придержать свои возмущения. Ну их на фиг, инопланетиков. Нервные они какие-то. Объяснить толком ничего не объяснил, сказал то, о чём я и сама догадалась. Зато нарычал и крайней оставил. У меня даже кисель из головы выветрился. Или это потому что эпсилионец в душ ушёл? Надо бы разобраться, как эта их волшебная энергия работает и какую дистанцию лучше держать.

Глава 6

Я наблюдала за приближением планеты с тревожно замирающим сердцем. Её зелёно-голубые оттенки немного напоминали Землю, но всё же были совсем другими. Вокруг Эпсиліона пульсировала паутина, которую Рыжик назвал энергией планеты. Я бы хотела знать больше, но император, разговаривая сквозь зубы, не давал мне шанса на вопросы. А они множились...

Откуда у меня энергия? Что означает резонанс и как он успокаивает агрессивного Лу? Что происходит с нами, кроме оргазмов? Сомневаюсь, что жители Эпсиліона постоянно испытывают подобные ощущения. Да и мысли о закреплении связи не давали мне покоя.

Закрепит — а что дальше? Стану приходящей любовницей? Или мы будем жить «большой семьёй» с императрицей и её мужьями? Что, если мне попадётся новый агрессивный Лу? Это было бы ужасно! Обзаводиться шайкой эпсиліонцев, натравливающих на меня свои похотливые тучки, совсем не хотелось. Даже чужое платье, надетое на меня, не казалось таким уж жутким, особенно учитывая, что оно трансформировалось и село по фигуре. Великолепная ткань! Надеюсь, производители не разорились, когда покупатели перестали скупать шмотки, поправляясь на пару килограмм.

Да ещё Дейтон добавил масла в огонь, сказав, что если я не

хочу десятков мужей, мне нужно всегда быть рядом, и тогда он защитит меня. Эти слова взорвали мне сознание, лишив даже крошки самоуверенности.

Поэтому я ступала на землю Эпсилона очень осторожно, нервно оглядываясь и следуя позади императора. Неудивительно, что в таком состоянии я не разглядела космопорт. Лишь когда мы остановились в закрытом ангаре, немного пришла в себя.

— Что это? — я ткнула пальцем в небольшую чёрную каплю, будто установленную на воздушную подушку. На Земле ничего не парило над полом, гравитация не позволяла.

— Флай, — кивнул император, прикладывая руку к капле.
— Наш транспорт до дворца.

Флай ожил, чернота пришла в движение, оголяя серебристые бока, и через мгновение двери машины взлетели вверх, открывая кожаное нутро.

— Садись.

Я с сомнением заглянула внутрь. Не то чтобы машина была очень маленькой, но сидеть придётся, касаясь друг друга, а у меня и так в голове негусто последние пару часов. В общем, сокращать дистанцию сильнее не хотелось.

— А другого нет? — спросила с ноткой безнадёги. — Побольше?

Трансформация Рыжика в разъярённого льва была мгновенной! Он натурально так рыкнул, подхватил меня на руки и, проявляя чудеса сноровки, устроился со мной на коленях

во флае.

Его бешеное:

— Во дворец. К чёрному ходу, — завершило образ рассерженного царя зверей.

Не, ну и чего он, а? Уже и спросить ничего нельзя!

Хватка на талии была стальной. Я попыталась сползти с чужих колен, но добилась лишь того, что сидеть стало неудобно — реакция у эпсилionца, оказывается, мгновенная везде. Так что я сидела смотря только на свои сцепленные в замок пальцы и молчала. Всё затекло. По ощущениям, мы летели часа два уже.

Эх, как бы я могла провести это время с пользой — посмотреть на планету. Но куда там! Я могла думать лишь о том, что нельзя дёргаться, потому что, судя по твёрдости и выпуклости, меня от близкого знакомства с мужчиной спасало только ненадёжное обещание не трогать меня даже пальцем.

Ещё немного, и я запрошусь обратно в лабораторию анализа сдавать. Какой-то слишком непривлекательный этот большой мир. Да ещё собеседник у меня старый, страшный, взрывоопасный и женатый.

Ну ладно, не такой уж и старый, скорее взрослый, представительный, без единого намёка на седину и морщины. Да и страшным его не назовёшь. Он рыжий, яркий, с правильными, пусть и непривычно вытянутыми чертами лица. Фигуру, опять же, я его заценила перед душем. Но вот послед-

ние два пункта точно никуда не делись!

Боже, мы долетим когда-нибудь или нет? В конце концов, я никому обещание не развратничать не давала! Это невыносимо. Запретно. Возбуждающе.

У меня от желания перед глазами темнело, во рту пересохло и стало нечем дышать. Казалось, что вокруг нас разлили запах безудержного секса. Я не помню, но почему-то, мне кажется, я никогда и никого так сильно не хотела. И никаких тучек мне не надо, никаких сотканых из тьмы Лу. Достаточно простого соприкосновения тел, и я словно сижу на просыпающемся вулкане. Словно я сама стала кипящей лавой.

— Не пыти, — хрипло попросил эпсиллионец, обдавая мою шею горячим дыханием.

Горячим, мать его, дыханием! В этот момент мне стало абсолютно плевать на все запреты и условности. Тоненькая нить, в которую превратилась моя выдержка, под воздействием вожделения с оглушающим треском лопнула. И я, словно со стороны, увидела, как запрокидывается моя голова и затылок касается плеча мужчины, а с губ слетает немного отстранённое:

— Расскажи мне про резонанс. Наша энергия соприкасается, усиливается, одно тело возбуждает другое... Почему это происходит?

Будто и не я сказала это вовсе. Кто-то другой, более умный, хладнокровный и нечаянно забытый, отсчитывает по-

следние шаги, чтобы не ошибиться. Но нет, слова вылетают из моего рта, а на краешке сознания, как сверхновые, рождаются осколки воспоминаний — далёкие, разрозненные, мои.

— Потому что у нас идеальная совместимость. Стопроцентный резонанс энергий. Если веришь в романтическую дурь, то можешь считать, что мы созданы друг для друга, — отозвался император далёким от спокойного голосом. Низким, хриплым, будоражащим.

Романтическую дурь? Я медленно вдохнула вибрирующий от сдерживаемой страсти воздух. Не знаю, не уверена. А вот в похоть, желание, первобытное удовлетворение потребностей мне хочется поверить прямо сейчас.

— И что же происходит, когда наши энергии встречаются? — продолжила я допрос, потёрлась затылком, как кошка, хмыкнула. — Ну, кроме очевидного.

— Нам обязательно об этом сейчас разговаривать? — дёрнул плечом Дейтон, который из-за разговора только сильнее возбудился. Я чувствовала, как сильно он упирается мне между ягодиц.

— Конечно. А когда ещё? Мы вдвоём, в запёртом пространстве. Нужно же как-то скоротать время. Так что происходит, мм... Дейтон?

— Энергии сливаются. Твоя созидательная успокаивает мою разрушительную, и мне легче становится контролировать Лу. Взамен моя энергия восстанавливает тебя, регенерирует потерянное, продлевает жизнь. Наступает гармония.

Но пока до гармонии нам далеко, поэтому энергия толкает нас друг к другу, чтобы закрепить связь не только на уровне энергий, но и тел. Довольна? Теперь мы можем помолчать?

Я прикрыла глаза и часто задышала. Слова про связь тел были как красная тряпка для быка... Как чёртова красная тряпка, об которую так чувствительно тёрлись при каждом вдохе твёрдые от возбуждения вершинки моей груди.

Но его слова... Это так заманчиво — спихнуть всю ответственность на непонятную энергию...

— Последний вопрос, — попросила я, облизывая пересохшие губы. — Когда закрепится связь...

С губ эпсيليонца слетел то ли рык, то ли стон. Но я продолжила:

— Я буду также возбуждаться и кончать от твоего Лу? Хотеть тебя?

— Нет! Я же для тебя незнакомец, вот и будешь относиться как к незнакомцу! — всё-таки зарычал Рыжик.

Во флае потемнело — видимо, император за вопросы решил отомстить, выпустив энергию. Ему же даже пальцем нельзя.

И я решила. Перестала оттягивать неизбежное.

— Трахни меня.

Щупальца тьмы, тянущиеся ко мне, резко замерли. Никак от шока? Не ожидали, да?

Не ожидали. Тихое потрясённое «что» от мужчины невидимой лентой приласкало моё тело. Я позволила стону со-

рваться с губ, а потом повторила:

— Займись со мной сексом, Дейтон. Сейчас, — вышло требовательно и как-то буднично, что ли.

Один глубокий вдох, два удара сердца, и император взорвался. Правда, совсем не так, как я ожидала:

— Да ты с ума сошла, женщина! — взревел он, спихивая меня с колен на сидение флая. Не грубо, скорее быстро и унижительно.

Я открыла рот, судорожно хватая воздух. Мм... что? Это что за ледяной душ на моё жаркое пламя? Кто кранчики перепутал и открыл не тот?

Тряхнула головой, избавляясь от остатков киселя. Сердце ещё стучало, как сумасшедшее, а между ног пекло, но в голове уже поселился пугающий мощью сквознячок. Я прямо слышала, как завывала выюга.

— Ты за кого меня принимаешь?! Я тебе что, мальчишка по-быстрому во флае совокупляться? — продолжил бушевать император.

Фи! Ещё и слово такое противное подобрал.

Превращение из «согласной на всё женщины» в «разъярённую фурию» произошло молниеносно.

— А в чём проблема? — вызверилась уже я. — Слуг не хватает, чтобы ширинку расстегнуть? Так ты скажи — я помогу!

Дейтон открыл рот, потом резко его захлопнул — кажется, я даже расслышала, как щёлкнули и заскрипели его зубы,

— во флае угрожающе потемнело.

Но было поздно. Раньше надо было молчать, я бы, может, сама всё сделала, а удовольствие разделили на двоих. Теперь уже всё — меня понесло.

— Ой, вот только не надо строить из себя оскорблённую невинность! Это не я тебя всю дорогу проткнуть пыталась. Да у меня на платье дырка от твоего штыря только чудом не образовалась. Ещё немного, и проткнул бы насквозь!

— Штыря? — тихо переспросил Рыжик, кажется, оскорбившись.

— Ну, может, не штыря, а гвоздика! Откуда я знаю, что ты в женщин забиваешь? Ты же не показал, пощупать не дал! — последнее, между прочим, были очень обидным. Я-то уже настроилась. — Сам сказал, что нам гармонии не хватает. Мы оба знаем, к чему...

— Ульяна!

— ...всё это ведёт. Так зачем мучиться? Давай познакомимся поближе и...

— Женщина, смотри в окно! — Дейтон рыкнул так, что эти самые окна задрожали.

От неожиданности чуть кончик языка не прикусила. Фыркнула и отвернулась. Ну и ладно! Ну и посмотрю! Я же не совсем дура, чтобы в одном флае с вконец озверевшим мужиком лететь. Вот приземлимся на землю, и тогда...

Он же не надеется, что облом и оскорбление я быстро забуду?

Я ведь ему себя, считай, на блюдечке преподнесла, а он отказался! Это похуже наличия жены будет.

Сидеть было тесно: я плотно боком прижималась к императору, слышала, как шумно он дышит, и видела его смазанное отражение на стекле. Кажется, флай в принципе был рассчитан на одного пассажира, который сейчас безуспешно пытался успокоиться. Видок закачаешься: глаза закрыты, крылья носа раздуваются, жилка на виске суматошно пульсирует — я даже какое-то извращённое удовольствие получила, что довела целого инопланетного императора. Ещё бы внизу живота так требовательно не горело, а между ног не текло.

Чтобы отвлечься и снова не утонуть в розовом киселе, перестала любоваться на отражение эпсилонца и сосредоточилась на том, что мелькает под нами. И у меня бы это точно получилось, если бы кое-кто не решил поговорить сам с собой, шепча под нос:

— Святые Ситару, за что вы так? Я же был хорошим правителем. Войн не начинал, ничьи планеты не уничтожал, семью не обижал. Неужели во всей вселенной не нашлось никого более... — скрип зубов и смиренно обречённое: — Чем я заслужил такую женщину?

Ну знаете, это уже слишком!

Нехорошо сузив глаза, я резко обернулась к императору.

— Дейтон, милый, я не поняла: ты что, молишься и жалуешься на меня?

Эпсилионец распахнул ресницы, ответив мне молчаливым мрачным взглядом.

— Серьёзно? Ты? Может, это я угрожала несчастному мужчине, потерявшему память, пленом? Или это я без объяснений и разрешения насильничала энергией? Или я...

— Я понял. Не продолжай, — сухо потребовал Рыжик.

— А вот и буду! — не согласилась я, окончательно потерявшая какой-либо страх перед этим мужчиной.

Он сам сказал, что мы связаны энергией до самой смерти. А раз моя свобода ограничена (всё-таки я надеюсь, что временно) конкретно этим мужчиной, то проблемы мы будем решать сразу, а не когда они накроют нас лавиной. Поэтому я продолжила:

— Раз уж ты посмел жаловаться на меня, то я тоже молчать не буду. Это я должна жаловаться! Ты меня мучаешь своим Лу. Долгое возбуждение, знаешь ли, не очень сказывается на здоровье. У меня и так с памятью проблемы, а из-за тебя я могу думать только о сексе. Неужели так сложно было согласиться? Там делов на три минуты! Сунул, вынул, разбежались. Или у тебя с этим проблемы? — я заломила бровь, требуя ответа.

Сначала ничего не происходило. Ну, то есть происходило, конечно: щека у Рыжика дёрнулась, зубы заскрипели, потемнело слегка, но эпсиллионец молчал. А потом как-то раз и стало страшно.

Зря я, в общем, решила выяснять отношения, которых да-

же нет. Нужно было молчать. Ну подумаешь, общался с высшими силами мужчины, жаловался им. Он же не мне претензии предъявлял. Вот и я должна была поступить так же. Потому что я даже моргнуть не успела, как энергия эпсилionца разрослась до таких размеров, что мы очутились в крошечной тьме. Секунда, одно нежное прикосновение к ногам, от которого сладко сжалось внизу живота, и энергия ушла, словно испугавшись, отхлынула вниз и в стороны.

Вместе с нашим флаем отхлынула, превратив его в пепел!

Я завизжала, надрывая горло. Любой бы закричал, если бы ощутил свободное падение без парашюта за плечами. Не замолчала даже после того, как Дейтон схватил меня, уложил на себя и крепко обнял. Мы продолжали падать, а я — орать. Стоило захрипеть, как эпсилionец отвесил мне шлепок по заднице и приказал:

— Тихо.

Я послушно захлопнула рот, наконец заметив, что император возмутительно спокоен — падает спиной вниз и совершенно не волнуется, а под ним... У меня глаза округлились, когда я поняла, куда мы падаем. Или что нас ловит? Под нами была гигантская чёрная туча. Кажется, Лу даже слегка потрескивал и искрил.

— Успокоилась? — совершенно буднично поинтересовался Рыжик, каким-то невероятным образом выигрывая в схватке со свистом ветра в моих ушах. Ну, прям как я, когда секс предлагала — таким же тоном спросил.

— Да, — прохрипела я, сорванным горлом.

Кажется, Дейтон не услышал, но повторяться не стал.

Вместо этого снова приказал:

— Лу не касайся. Запасных штанов с собой не захватил.

Ответить на откровенную насмешку не успела. Лу, державшийся на расстоянии всё то время, что мы падали, резко рванул нам навстречу, удивительно мягко принимая наши тела и трансформируясь в огромного ворона.

Я прикрыла глаза, надеясь, что не сошла с ума. Птица под нами выглядела как настоящая, только была чёрной и невероятно большой. Мы полностью уместились на её туловище, совершенно не мешая махать ей крыльями. Безумно хотелось ткнуть в неё хотя бы пальцем, чтобы убедиться в реальности.

Неожиданно ладонь эпсилонца переместилась мне на голову, погладила волосы.

— Раз не захотела любоваться моей планетой из флая, придётся всё рассматривать с высоты птичьего полёта. Только молча. Тебе ничего не угрожает. Это материализация одной из форм моего Лу. Только не думай, что я за это время забуду всё, что ты мне наговорила. Обсудим во дворце... мои проблемы и твои три минуты.

Глава 7

Ощущения от полёта были невероятными. Даже холодный ветер не мешал, наоборот, остужал либидо, разошедшееся от близости с императором и его Лу. Правда, увидеть инопланетный город я смогла только после того, как «ворон» Дейтона немного наклонился, а моё сердце вновь ударилось о рёбра.

— Не бойся. Мой Лу никогда тебя не уронит, даже если меня не будет рядом, — своевременно и очень серьёзно пообещал эпсиллионец.

Удивительный всё-таки мужчина. Пока мы были на корабле и во флае, он психовал от каждого моего слова, даже машину свою спалил, а как оказались в свободном падении, так сразу у него поднялось настроение — лежит на спине своей птицы и гладит мне волосы, легонько массируя кожу. Надеюсь, это не оттого, что я сорвала голос и теперь вынуждена молчать?

— У меня две крылатых формы, но эта первая, поэтому пользуюсь ей чаще. Тебе, наверное, не очень понятно это всё, да?

Нет, моя потеря голоса определённо подействовала на императора весьма благосклонно. Он даже начал рассказывать без вопросов. И тон у него такой расслабленный, мягкий и волнующий. Я не стала хрипеть в ответ, просто кивнула, по-

надеявшись, что Рыжик распознает это правильно.

— Из-за того, что наша планета в некотором роде живая, её жители немного особенные. Впрочем, как и везде. У каждой расы есть свои особенности. Просто кому-то это не мешает жить, а кому-то приходится тренироваться в контроле с детства, чтобы не уничтожить всё вокруг. Женщинам в этом плане проще, они учатся только открывать доступ к своей энергии и закрывать его, чтобы не обзаводиться бесконтрольно мужчинами вокруг себя. Максимум, чего могут добиться наши женщины, — это сдвинуть энергией какой-нибудь предмет. Но на самом деле это очень сложно: женская энергия не покидает пределов тела, а поле, которое она может образовать вокруг, не слишком большое. Поэтому чаще всего они бросают тренироваться, когда достигают комфортного для жизни минимума. Это относится и к тебе. Если бы доступ к твоей энергии был перекрыт, у нас не возникло бы резонанса. Так что, во избежание повторения, когда полностью восстановишься, начнёшь учиться контролю. Ты уже вспомнила что-нибудь или Леандр рассказал, откуда у тебя эпсилионская энергия? Только горло не напрягай, просто кивни. Ульяна?

Что? Да я в шоке. Подожди, Рыжик, мне нужно осознать и привыкнуть к тому, что ты, оказывается, умеешь долго и понятно говорить. И даже без рычания.

Слишком это неожиданно и опасно. Одно дело — хотеть мужчину, когда он рядом, под воздействием энергии, и ни-

чего к нему не испытывать на расстоянии, а другое — хотеть и видеть в этом мужчине нечто большее, чем вынужденного партнёра.

— Ульяна? — повторно позвал император, не дождавшись ответа.

Мужская ладонь на моей голове замерла, перестав гладить, а потом решительнохватила волосы в кулак и потянула. И это было приятно, черти меня задери! Уверенный карий взгляд встретился с моим перепуганным зелёным.

— Что такое? — красиво заломил бровь император. — Что-то вспомнила?

Чуть дёрнула головой, чтобы не причинить себе боли. Дейтон вздохнул, отпустил мои волосы, и я тут же спрятала лицо у него на груди.

— Может, это и к лучшему. Я ещё не видел файлов про то, что натворили пираты, но брат сказал: там ничего хорошего.

Где-то есть видео со мной? Текстовые файлы? Я дёрнулась, но мужская рука не позволила подняться, прижав сильнее.

— Сильно не переживай, если что-то не сможешь вспомнить, — продолжил эпсيليонец. — Некоторые моменты нашей жизни стоят того, чтобы их забыть. Главное, что у тебя теперь есть я и наша энергия. Будем работать с тем, что есть. Дальше рассказывать или тебе нужно время усвоить то, что я уже сказал?

Я зажмурилась и часто задышала. Нет, это решительно

невозможно. Верните мне грубияна императора, а то этот какой-то неправильный — слишком вежливый, заботливый и цепляющий. Нам, попаданкам, такое внимание противопоказано, а то ещё влюбимся и переворот в отдельно взятом семействе устроим.

— Говори, — прохрипела я, перестав прятать лицо. Лучше буду любоваться видом, чем дышать императором.

И тут же получила шлепок по булочкам.

— Я просил молчать. Ещё раз напряжёшь связки, и я завяжу тебе рот.

Я закрипела зубами, молча проглотив угрозу и покушение на свои ягодицы. Всё равно же в проигрышном положении — горло болит, Лу касаться нельзя, убежать разве что в свободный полёт получится. Во флае Рыжик скрипел зубами, теперь моя очередь. Буду считать, что счёт сравняли.

— Послушная девочка. Всегда бы так, — хмыкнул Дейтон. И, не дав мне взбрыкнуть, сразу начал рассказывать: — С мужской энергией сложнее. Её тяжело удержать в теле, если она тебе не подчиняется, и почти невозможно отсечь от тела, если она захватывает контроль. Поэтому все мужчины моей расы учатся контролю с детства, тренируются в управлении, создают материальные облики для Лу. Всё это здорово помогает остудить пыл. Лу неразумен, хотя попытки признать его полноценной половиной были. Это всего лишь энергия, воплощение наших желаний, стремлений и ожиданий. Но если женская энергия подпитывается положитель-

ными чертами, то мужская собирает всё самое чудовищное, что есть в нас: жажда власти, желание обладать, подчинить, присвоить, и это делает её опасной. Мужская энергия может быть разрушительной, если не контролировать её. Она способна вызывать конфликты, разжигать войны и приводить к катастрофам. Одно касание — и всё превращается в пепел. Поэтому у каждого эпсилонца есть чип с симбионтом, который может не только послать сигнал бедствия в случае необходимости, но и отключить на время эпсилонца, если он поддастся влиянию Лу. Те, кто не может противостоять своим тёмным желаниям, уничтожаются. Осуждаешь?

Я качнула головой, говоря «нет». Не осуждаю. Даже зверей держат в клетках, если они опасны. Дейтон уничтожил флай за долю секунды — это на самом деле ужасающая сила.

— Лу — мои глаза и дополнительные руки, моя сила и защита. Но также это и моя слабость. Каждый день для нас — это борьба. Каждый из нас борется с самым страшным врагом — с самим собой. Единственное, что спасает на время и даёт возможность передохнуть перед новым раундом, — это резонанс с женской энергией. После него на какое-то время проблемы с контролем исчезают. Сначала мы чувствуем тепло матери, потом жаркий огонь страсти к подходящей женщине.

Есть у нас, благодаря учёным, и искусственный резонанс, но это временная мера, и он не поможет, если Лу уже испытал полное слияние. Ты — мой полный резонанс. Если ты

исчезнешь из моей жизни, то я либо тебя найду, либо проиграю Лу и уничтожу сначала всё вокруг, а потом испепелю себя. Моей энергии хватит на несколько крупных планет. И лучше поверь на слово, не проверяя и не сбегая. Твои попытки от меня избавиться толкают поддаться Лу и присвоить тебя. Все твои провокации приведут лишь к тому, что я спрячу тебя там, где никто не найдёт, и буду единолично наслаждаться тобой и твоим обществом.

Я замерла, забыв сделать вдох. Сердце сбилось со своего ритма, а по спине замаршировали ледяные мурашки ужаса. Осознание, как я попала, медленно сковывало всё моё тело. Это даже не предложение стать временной любовницей, чтобы помочь друг другу — это намного, намного хуже. Всё равно, что подарить свою жизнь другому и жить лишь для него. Мягкий тембр повествования больше не убаюкивал, не погружал в сладкую негу гипноза.

— Ты себе даже представить не можешь, как я тебя хочу, — продолжал пугать правдой император. Эта правда больше не приносила радости и интереса, только страх. Даже осознание того, что я сама готова была во флае наброситься на мужчину, леденило душу. — Но я готов был подождать, пока ты поймёшь, насколько всё серьёзно между нами, чтобы потом не было ссор и истерик. Но твои провокации и издёвки во флае не оставляют мне выхода. Я уже сейчас вижу, какая ты, и понимаю, что не удержу контроль без полноценного закрепления связи. Мне нужна ты, а не пепел моей планеты.

Поэтому, чтобы смириться, у тебя осталось немного времени. Думай, любуйся видом своего нового дома, злись, мысленно ругайся — да хоть дерись без вреда для своего здоровья. Сейчас ты можешь всё, потому что когда мы приземлимся, ты навсегда станешь моей.

Мы летели около часа, может, даже чуть больше, но для меня прошло одно мгновение. Я не чувствовала течения времени, бездумно смотрела на мелькающие под нами красивые, в основном стеклянные, высотки, на кружащиеся, словно напуганная стая бабочек, флаи и будто не видела ничего перед собой. Всё пыталась вытащить из памяти хоть что-то из своей жизни, чтобы узнать, как поступила бы я, оказавшись в здравом уме в такой ситуации, но ничего не получилось. Те осколки, что пришли ко мне во флае, лишь досточка в бушующем море, и их недостаточно для спасения пассажира с тонущего корабля. А мой корабль сейчас медленно, но верно шёл ко дну — именно так я себя сейчас ощущала.

Настроение у Дейтона тоже испортилось после того, как нас ослепила какая-то вспышка. Что это было, я не видела — эпсиллионец быстро превратил это в пепел, но я и так догадалась. Скорее всего, те самые папарацци, которыми я хотела угрожать. Может, император и не боится репортёров, но зубами из-за них скрипит.

Впрочем, местные камеры никак не повлияли на наш полёт, а вот то, что я немного замёрзла — очень. Стоило Рыжику почувствовать, что моя не прикрытая платьем кожа похо-

лодела, как нас вместе с Лу окружила полупрозрачная дымка. С одной стороны, стало тепло, а с другой — думать стало тяжелее. Но кое-что важное до меня всё-таки дошло: из-за резонанса энергий мужчины одержимы своей женщиной. Золото, власть — всё это становится неважным, когда нет рядом той, что приносит эпсيليонцу гармонию.

Я не знала, как на это реагировать. Вроде бы это хорошо, что на чужой планете, когда не помнишь даже себя, есть тот, кто станет для тебя островком стабильности, кто позаботится о тебе, даже если ты будешь против. Наверное, будь всё немного иначе, и я бы порадовалась и не сопротивлялась будущему. Я бы смогла оценить Дейтона и не считать его навязанное общество клеткой, но... Рыжик женат, и единственное, на что я могу рассчитывать — это роль вечной любовницы. Оно мне надо? Кажется, ответ очевиден, даже если пострадает парочка планет. Даже то, что я ничего не помню, не мешает мне любить себя больше всего остального.

Было и ещё одно большое «но»: у медали всегда две стороны. Так почему пострадавшей должна быть именно я? Это не мои заморочки с энергией — я способна прожить без воспоминаний и научиться всему заново. Да, мерзко, но у императрицы, помимо Дейтона, ещё четыре мужа, а я совсем не претендую на трон. Если Рыжику нужна я, то пусть решает принципиальный для меня вопрос. Хочет близости? Я не против, но на моих условиях. Не нужно загонять меня в угол и лишать того единственного, что у меня есть — гордости.

Я готова пожертвовать многим, даже временной свободой, чтобы не чувствовать себя лишней. А вот делиться я не готова — мне претит сама мысль, что днём эпсилионец будет спать со мной, а ночью — со своей женой. Ладно, один раз, но всегда? Увольте! Но я не имею ничего против Лу, если я для него единственная. Так ведь? Вроде правильно всё разложила в своей пустой голове. Или опять поддалась соблазну из-за бушующих от энергии гормонов?

Когда показалась макушка дворца, я даже выдохнула с облегчением. Он выглядел как огромный кристалл, зависший в воздухе. Не здание, а произведение искусства из гладкого сверкающего металла и прозрачного стекла. Огромные окна от потолка до пола, разноцветные флаи, летающие над ним, и прекрасное буйство зелени вокруг. Великолепный музей инопланетного искусства. Но жить в нём? Фу, какая пошлость!

Усилием воли заставила себя растянуть губы в улыбке. Не стоит демонстрировать мужчине, от которого зависит твоя жизнь, пренебрежение его домом. Но, видимо, над гримасами стоит ещё немного потренироваться у зеркала, потому что в моей улыбке Дейтон увидел оскал и принял его на свой счёт, сильно напрягшись.

Рано, Рыжик, эх, рано. Я же ещё даже не выдвинула свои условия.

Глава 8

Приземление было громким и эффектным. Не успели мы зависнуть над дворцом, как от него отделился рой механических пчёл и рванул к нам. При их приближении я поняла, что это камеры, а не пчёлы, но ассоциация осталась. Естественно, Дейтон его испепелил, но... За первой волной взлетела вторая, а потом и третья. И так нерадужное настроение императора испортилось в разы, и он просто направил своего ворона вертикально вниз, а возникшую перед нами стену постигла участь камер.

Если бы я не сорвала голос раньше, сделала бы это сейчас! Не знаю, каталась ли я когда-нибудь на американских горках, но, кажется, такие развлечения не для меня. Больше никогда не воспользуюсь доставкой Лу-экспресс!

От страха все умные мысли выветрились, и осталась только одна — выжить. Так что запрет Дейтона не касаться Лу я нарушила быстрее, чем поняла это. Вцепилась в эпсилонца руками, обхватила его и ворона ногами и...

Это был чистый восторг. У меня, кажется, сознание помутилось из-за страха, смешанного с усилившимся возбуждением. Адреналин не просто гулял в крови, он в ней плясал квикстеп! С первой же сверхновой, вспыхнувшей перед глазами, я простила Лу все его несанкционированные прикосновения. Как жаль, что он идёт только в комплекте с импе-

ратором. Потому что на пол дворца мы ступили с Рыжиком в совершенно разных чувствах: я — невероятно счастливая и довольная, с трясущимися ногами и сбитым дыханием, а Дейтон — с постыдным пятном на штанах и бешенством в глазах.

Может, предложить ему носить платья?

Или памперсы?

Усилием воли притушила свою улыбку, потому что император зыркнул так, словно я свои предложения вслух выдала. А я, между прочим, кремень: ни слова не произнесла во время запланированного Рыжиком падения. Голос, то есть хрип, мне ещё пригодится, когда буду объяснять, что спать с девушкой надо, когда она просит, а не когда приспичило.

Взревевшая явно с опозданием сигнализация дворца только добавила жару. Ещё немного — и у Дейтона пар из ушей пойдёт. По крайней мере, красными пятнами он покрылся точно не от смущения.

— Иск, заткнись. Лучше пришли роботов для починки, — вкрадчиво, оттого более пугающе, приказал Дейтон дворцовому интеллекту.

Сигнализация мгновенно смокла, но, кажется, поздно. В установившейся тишине отчётливо застучали чьи-то каблучки по полу.

— Дейтон, ты с ума сошёл? — выдала претензию девица лет двадцати пяти, только показавшись из-за поворота.

Хм, девица. Невысокая, темноволосая, в роскошном си-

нем платье. На Земле такие только на каком-нибудь показе мод можно увидеть или на красной дорожке.

— Угадала, Азалия, — огрызнулся император... императрице.

Стоило понять, кто передо мной, и моя улыбка протухла, взгляд сам собой прищурился исподлобья, а поднявшееся из-за контакта с Лу настроение миновало отметку ниже нуля. Резонанс не резонанс, зачем императору я, когда у него такая жена? Такой можно и двадцать мужей иметь, и все в рот заглядывать будут. Вернее, на формы, которых у меня нет. Из-за капсулы или нет, но я императрице и в подмётки не гожусь. Невероятно роскошная же...на.

И тут эта невероятная женщина заметила меня: бровки поднялись домиком, губки округлились.

Чёрт! Так и комплекс неполноценности заработать можно. Сама не заметила, как попыталась спрятаться за императора.

— Дорогой, это кто? Почему она во дворце... в красном? Дейтон манёвр мой присёк, схватил за руку и поставил перед собой — вроде представить, а на деле, скорее всего, пятно на штанах спрятал.

— Это Ульяна, подруга Снежаны. Я поселю её в твоих первых покоях.

Императрица смотрела странно. Не зло, а изучающе. Злилась как раз я. Пауза затягивалась.

Рыжик решил поселить меня в покоях жены? Серьёзно?

Во всём дворце свободной комнатки не нашлось? Или он решил, что я обрадуюсь жить там, где он с женой...? Скрип собственных зубов вернул в реальность. Я выдохнула и прямо посмотрела на Азалию. Так себе встреча, конечно, но лучше решить всё на берегу. Радости, о которой говорил Дейтон, я вот точно не увидела. Обескураженность, недоумение и, пожалуй, Азалия сразу показала, кто здесь кто. Застолбила «дорогого».

Она ещё и умная, судя по отсутствию криков и возмущений, а я... в чужом платье и без памяти.

Наконец, императрица справилась с собой, доброжелательно кивнула.

— Я распоряжусь подготовить комнаты для твоей...

— Для моей проблемы, — Рыжик выделил это слово, — я всё сделаю сам.

Я открыла рот, закрыла его, потёрла ладонью горло и зло прищурилась. Проблема? Это я его проблема? Я?

Ладно, плевать, какие у меня будут покои. Хоть на крыше посели или в подземелье. И плевать, что будет потом с моими связками. Даже если я навсегда лишусь голоса, ты, рыжий, со мной спать не будешь. Только через мой труп! Я твоей тенью стану, очень надоедливой тенью и очень соблазнительной. Я же проблема! А проблемам положено, чтобы мужчины из-за них в штаны кончали.

— Х-хорошо, — кивнула императрица, подхватила юбки платья и сбежала.

— Сплетничать пошла, — недовольно процедил Дейтон.

А может, план по моему умерщвлению строить? Иначе почему мне на миг в её взгляде почудилась жалость?

Не говоря ни слова, эпсيليонец потянул меня за собой. И я пошла, хотя больше всего на свете хотелось сбежать. Коридор казался бесконечным, стены с золотыми узорами расплывались перед глазами как в тумане. Я пыталась подавить злые слёзы, но они всё равно пощипывали глаза. Чёрт, неужели я буду плакать из-за этого рыжего? Да щас! Будь он хоть трижды императором! Я прикусила щеку изнутри, отрезвляя себя.

— Почти пришли, — бросил Дейтон, когда я запуталась в ногах и споткнулась. Слишком быстро он шёл, а я не до конца восстановилась.

На корабле на ручки бы взял, гад!

В покои я влетела следом за Дейтоном и по инерции сделала ещё несколько шагов, когда эпсيليонец остановился.

Ну что я могу сказать? Это была гостиная — просторная, как зал для приёмов, и такая же помпезная, украшенная мраморными колоннами и голографическими картинами. Из неё вели три двери в другие помещения. Ещё не знаю куда, но предположу, что две из них — в спальню и ванную комнату. Пол из светлой плитки, отполированной до блеска. Два кресла со столиком по центру. Проходная комната для встреч или...

Моя золотая клетка.

Не сдержала злого смешка, когда император, стоящий за моей спиной, приказал:

— Раздевайся.

Что, прямо здесь? Вот так сразу?

Сложила руки на груди и повернулась к мужчине, не скрывая презрения в своём взгляде.

— Будешь насиловать? — с вызовом прохрипела я.

Эпсилионец окаменел, на лицо набежали мрачные тени, но мне было этого мало. Я продолжила:

— Заткнёшь рот, чтобы не хрипела тебе в ухо. Может, ещё свяжешь, чтобы не брыкалась, и оприходуешь по-быстрому. Так, император?

И «император» сейчас означало вовсе не благородную высшую должность. О нет, я постаралась вложить в свой хрип всё отвращение и бессилие, что я испытала, когда поняла, в какой ситуации оказалась.

— Ульяна...

— Молчи, — приказала я, подняв руку. — Не смей меня перебивать, пока я не договорю. И даже если я потом навсегда лишусь голоса, тебе же лучше. Немая женщина, говорят, — счастье в семье.

Снова потёрла ладонью горло. Болело оно адски, но так даже лучше. Держит в тонусе, не позволяя отступить. Сейчас я одна, заступиться за меня некому. Потому я буду бороться любыми способами. А боль... это всего лишь напоминание, что я жива.

Перевела дыхание и прохрипела самое страшное, что может быть для эпсيليонца, испытавшего полный резонанс:

— У меня есть условия. Не исполнишь их, и я наложу на себя руки.

Нет, я не дура, и умирать точно не собираюсь. Но Рыжику знать об этом необязательно. Играть так по-крупному.

А вот теперь его проняло. Дейтон отшатнулся, спиной врезался в дверь и застыл, сжимая ладони в кулаки. Проступившая сквозь кожу энергия лишь стала вишенкой на торте. Выглядел Рыжик жутко. У него даже тонкие вены подчеркнула чернота.

Издеваться над Лу было жаль, но от эпсيليонца его не отделишь, а иначе заставить себя уважать не получится. Впрочем, чего это я? Лу и есть император, просто более моногамная версия.

— Тебе нужно попить. Хотя бы тёплой воды, пока я не свяжусь с Леандром и не узнаю, чем тебя лечить, — неожиданно заявил император, сбивая с толку. — Исккупаться, переодеться. А потом мы поговорим. Ты можешь написать свои условия, чтобы не напрягать горло.

Он говорил словно через силу, выдавливая из себя по два-три слова. И если в начале речи мои глаза распахивались все шире, то под конец резко сузились.

Хочет опять усыпить, а потом сделать своё грязное дело? Я беспамятная, но не дура. Дважды на одну уловку не клюну.

— А тебе нужно, — снова захрипела я, — перестать

юлить, если не хочешь отдать богу душу вместе со мной!

Не знаю, есть ли на Эпсилионе бог — не так много я успела узнать у ИскИна, — но вроде посыл император понял. Он скрестил руки на груди, отзеркалив мою позу, и потребовал:
— Говори.

Набрала побольше воздуха грудью и выдала:

— Я не буду с тобой спать. Никакого закрепления связи. Я не против Лу и согласна ходить за тобой по пятам, но ты должен держать своего дружка в штанах.

— Причина?

Очевидно же! Неужели только мне?

— Ты женат!

— И это всё? — Дейтон даже расслабился. Чернота потихоньку начала отступать.

Что, мало? В моей голове это звучало более грозно. Но выдумывать что-то времени не было. Пришлось кивнуть. Главное, от постыдного статуса вечной любовницы себя избавила, а дальше видно будет.

— Во флае ты была не против, — произнёс с намёком.

Но и здесь у меня был ответ:

— Помутнение рассудка, — прохрипела я коротко.

— И когда у тебя рассудок снова помутится, я должен?..

— Не выпрыгивать из штанов, — я вздёрнула подбородок.

Хочет меня — пусть разводится или не мешает жить. Я уже пошла на уступки, согласившись на контакт с Лу. Сомневаюсь, что мой мужчина, если я им обзаведусь, будет счаст-

лив моим оргазмам от чужой энергии.

— А если ты сама запросишь? В здоровом уме.

Я пожалала плечами и ответила честно:

— Не раньше, чем ты разведёшься.

Это уже не был намёк, а прямое руководство к действию. Дейтон понял, но отреагировал как-то неожиданно. Он не возмутился, не закричал, чтобы я молчала и не лезла не в своё дело, не указал, что мне следует лишь раздвигать ноги и удовлетворять хозяина. Нет, он усмехнулся — немного невесело, но это больше походило на смешок, чем на раздражение с расстройством.

— Скрепим сделку поцелуем? — нагло потребовал он.

Ты не львище, Рыжий. Ты наглый рыжий дворовый кот!

Я открыла рот, но тут же его захлопнула. Это надо не пару слов сказать, а целую речь толкнуть, чтобы Его Наглеишество понял, осознал, исправился. А я сейчас на такое неспособна. Пришлось поджимать губы и сверлить эпсилонца возмущённым взглядом.

— Что? — не проникся он. — Ты сама сказала, что я зашёл тебя насиловать. Имей совесть, женщина! Я просто не могу теперь уйти ни с чем. Выбирай: поцелуй — и я соглашаюсь на твои условия или не соглашаюсь и запираю тебя там, где ты не сможешь себе навредить. А если объявишь голодовку, буду кормить с ложки. Для тебя у меня всегда будет много, очень много времени.

Я даже восхитилась императором на несколько секунд,

пока осознавала, что это не я, а меня припёрли к стенке. Ну каков, а? Я ему про унижительное для меня положение, а он про свои хотелки! И ведь не откажешь. Кто знает, вдруг у него слова с действиями не расходятся? Мы же знакомы всего ничего.

Сцепив зубы, кивнула. Один поцелуй ведь ничего не изменит? Мы уже пережили гораздо больше.

За приближением императора я внимательно следила из-под полуопущенных ресниц. Он надвигался медленно, заставляя моё сердце нервно ёкать. Пульс застучал в ушах, когда я увидела, как от эпсيليонца хлынула энергия в разные стороны, обогнула меня и замерла где-то за моей спиной.

Дейтон остановился напротив, протянув руку и лаская кончиками пальцев моё лицо. Я только зажмурилась, пытаюсь убедить себя, что это прелюдия, и скоро всё закончится. И, чёрт возьми, не потому, что мне было противно! Как раз наоборот. Ситуация, в которой мы оказались, ужасна и неприемлема, но... Я даже злиться перестала. Меня тянуло к этому мужчине, как магнитом.

Наверное, я могла потребовать поселить меня где-нибудь вдали от дворца и прилетать только на десять минут ради резонанса энергий, но почему-то этого не сделала. Не выдвинула те условия, которые развели бы нас в разные стороны. Я поступила хуже: осознанно шла на разрушение чужого брака. Я — стерва или что-то пострашнее? Да и он не лучше: привёл в дом к жене любовницу вместо того, чтобы

остаться только с одной женщиной. Неужели здесь всё-таки «шведские семьи»? Если меня не отвратило это, то что должно произойти, чтобы я отступила... перестала бороться?

— Хотел бы я знать, что у тебя в голове, — тихо произнёс император, и меня коснулось его дыхание. По спине прокатилась волна мурашек, заставляя меня дрожать от нетерпения.

Не надо! Сама в шоке, что у меня в голове. Вот пока он не приблизился, нормально же было!

— Целуй уже, — прохрипела, не открывая глаз.

Большой палец мужской руки коснулся моих губ, нежно погладив их, а затем, замерев на нижней, легонько оттянул вниз.

— Мы уже договорились, а ты всё равно не бережёшь себя. Значит, буду лечить сам, — произнёс он, и в его голосе зазвучала угроза с предвкушением.

Я в недоумении распахнула ресницы, окунаясь в жаркий карий взгляд. Вопрос «как» застыл на моих губах, когда их накрыли другие губы — мужские и очень требовательные.

Глава 9

Дейтон целовался как бог. Нет, он был богом богов. Когда наши губы встретились, мир вокруг исчез. Глаза закрылись сами. Больше ничего не имело значения: только мы двое. Я позволила себе забытья и слепо следовать за эпсилионцем. У нас есть только этот миг, только один поцелуй, который я разрешила, потакая собственной слабости перед этим мужчиной. Пусть так, а потом мы разойдёмся в стороны, пока он не решит, кто ему важнее, и единственное, что нас будет связывать, — это Лу.

Эпсилионец наклонился ближе, обнял меня за талию и притянул так, что наши тела соприкоснулись. Дрожь нетерпения больше не сотрясала моё тело; она была наотмашь, попадая точно в цель. Я стонала от вожделения, у которого было имя: Дейтон. Горела для мужчины, который оказался безнадёжно занят — женой, империей, не мной. Не мой, но такой желанный.

Он исследовал мои губы, а наши сердца бились в унисон. Совсем не нежный поцелуй дурманил разум. Сладкая запретная страсть могла как подарить мне крылья, так и помочь разбиться. Его руки скользнули по моей спине вверх к волосам, которые он тут же сжал, не позволяя отстраниться, сбежать, испугавшись последствий. Что-то прохладное прижалось сзади, но не остужая страсть, а разгоняя кровь по ве-

нам с космической скоростью. А потом эта прохлада оставила вполне реальный поцелуй у меня на шее, спустилась по позвоночнику, целуя каждый сантиметр моей кожи. Платье осыпалось пеплом вслед за чьими-то прохладными губами.

Я замерла, перестав отвечать на поцелуй императора, и широко распахнула глаза. Мой ошалевший, но всё ещё плывущий от страсти взгляд встретился с тёмными, из-за расширившихся зрачков, глазами императора. Он больше не целовал меня, но держал крепко, не давая сбежать. И клянусь, в его глазах, сквозь бешеное возбуждение, проступала насмешка.

Он наслаждался моей реакцией, пока его Лу, который от реального человека отличался разве что температурой, лишал меня одежды и ласкал прохладными руками и губами моё тело.

Словно самый настоящий мужчина, энергетическая половина эпсилонца накрыла мою грудь прохладными ладонями, сжала пальцами соски, отправляя меня в нокаут. Возбуждение достигло своего пика, и лавина сорвалась с вершины, заставив меня закричать в голос от подступившего оргазма. Моему крику вторил скупой мужской стон. Мы закончили с императором одновременно, не отрывая друг от друга горячих взглядов.

— Я в штанах, хоть это и не очень приятно, — хрипло напомнил мужчина о моём промахе. — А ты совсем не против моего Лу. Так ведь?

Я кивнула, закрывая глаза и отказываясь верить в происходящее. Всё настолько развратно, что мой бедный мозг отказывался это анализировать. Я даже разозлиться или обидеться не могу: эпсيليонец всего лишь обыграл меня на собственном поле, где я села в лужу. Глупо было припирать противника к стенке, не зная его возможностей.

А его возможности были поистине невероятными. В полной мере оценила их, ощущая, как быстро после разрядки разгорается страсть. Я уткнулась императору куда-то лбом и застонала, больше не сдерживая себя. Проигрыш нужно принимать достойно, особенно когда он такой приятный. Лу играл с моей грудью так, будто получал от этого удовольствие: сжимал и тянул за соски, обводил пальцами ареолу и, обхватывая ладонями целиком грудь, массировал её. Мои достоинства были намного скромнее, чем у императрицы, но энергетическая половина никак не могла наиграться, пока мои стоны не стали слишком жалобными и частыми. Это была самая настоящая попытка наслаждением — стонать и не шевелиться, когда внизу живота всё сладко пульсирует и хочется, наплевав на последствия, принять активное участие.

Когда прохладная ладонь Лу, отпустив одну грудь, скользнула по животу вниз и раскрыла пальцами влажные лепестки, у меня уже сверкали звёзды перед закрытыми глазами. Когда же прохладные пальцы начали безжалостно кружить вокруг клитора, моя выдержка полетела к чертям.

— Пожалуйста, хватит, — простонала я. И плевать, как

это смотрится со стороны. — Я больше... не вынесу. Меня... ноги не держат.

— Мне сделать это за них? — хрипло, провокационно спросил эпсيليонец.

И не став ждать ответа, подхватил меня под ягодицы, заставив обхватить ногами его талию.

Лу вплотную прижался сзади, давая в полной мере ощутить, что от настоящего мужчины он не отличается даже там.

Те крошки мыслей, что ещё оставались в моей голове, унесло ураганом желания. Больше не было здравомыслящей Ульяны, которая надеялась на дистанцию. Ушло осознание, что Лу — это Дейтон, что всё, что происходит с энергетической половиной, император ощущает в полном объёме. Резко стало плевать на императрицу. Осталась только я и пожирающее меня желание.

И я заскулила, закрутила задницей, как самая озабоченная самка во вселенной, желая заполнить пустоту внутри. А потом сорвалась в пропасть, когда прохладный член одним резким движением оказался во мне. Пальцы на ногах поджались, руки заскребли по спине императора, оставляя царапины. Дейтон накрыл мои губы своими, выпивая мой крик. Нам было хорошо — слишком хорошо, чтобы об этом можно было забыть. Я даже на мгновение отключилась, потому что, когда смогла открыть глаза, оказалось, что Дейтон поднял меня на руки, а сам спиной прижался к ближайшей стене. Если меня несло на волнах неги, то эпсيليонца шатало.

Прохлады Лу больше не чувствовалось.

— Пришла в себя? — спросил почему-то шёпотом.

Я кивнула.

— Расслабилась? — новый вопрос, на который я тоже ответила утвердительно. — Не злишься?

Да какое там!.. Я в нирване.

— Хорошо, — мимолётно улыбнулся неизвестно чему император.

Хотя почему неизвестно? Облапошил наивную дурочку и поимел. Только это не очень вязалось с тем, что улыбку быстро сменила сосредоточенность. Дейтон прикрыл глаза и...

Прохлада тоненькой струйкой из груди эпсيليонца полилась в мою грудь. Энергия, будто живая тьма, вползала в моё тело.

— Ш-ш, расслабься, — потребовал мужчина. А когда я не подчинилась, пригрозил: — Устроить тебе ещё один раунд?

Эм... Пожалуй, откажусь. Я сейчас даже пальцем пошевелить не в силах, как и языком, чтобы спросить, что Рыжик творит. Закрыла глаза и попыталась ухватить ускользающую расслабленность. Точно не убивает, а с остальным разберусь, когда приду в себя.

Странное ощущение, как от горячего укола. Энергия прохладная, но, попадая в мою грудь, она начинает пылать жаром, захватывая всё тело. В голове зашумело, поплыло. Казалось, что я даже выдыхаю горячий пар. Не больно, скорее необычно, и так распирает изнутри. Ещё немного — и я лоп-

ну, как воздушный шарик. Ещё капельку — и... Я стала жадно хватать ртом воздух — в груди запекло с невероятной силой, словно зажглось маленькое солнышко. Секунда, две... И энергия императора меня покинула.

Уже погружаясь в беспамятство, мелькнула мысль, что Лу сбежал, а вот солнышко в груди осталось.

Дейтон Оллфорд

Янтарная жидкость лизнула стенки стакана, засверкала под светом лампы и опала на дно нетронутой. Император вздохнул и откинулся на кресле. Было тошно, и совсем не от того количества алкоголя, которое он влил в себя.

Она назвала его насильником. Его! Императора великой планеты! А он, вместо того чтобы рассказать, как она не права, поддался и взял своё по праву. Пусть не так, как намекала эта невыносимая женщина, но всё равно взял, совместил приятное с полезным и восстановил её пустую голову. И вроде сделал хорошее дело, но почему так тошно?

А ведь он всего лишь хотел испепелить её красную тряпку. Азалия права, что упрекнула его этим. Нехорошо получилось. Мало того что прокатил на своём Лу у всех на виду, так ещё в цвета главной ветви рода нарядил и привёз во дворец. Подставил всех! Ну не было на корабле никакой другой одежды, только императорские цвета, предназначенные для выездных и официальных мероприятий. К тому же он не собирался демонстрировать Ульяну всем. Хотел провести тайком и уже во дворце объяснить, почему ей нельзя ходить в

красном. Но эта женщина совершенно невыносима! Послали древние исчадие на его голову...

Красивое исчадие, манящее и желанное, но совершенно невыносимое. Как она вообще дожила до своих лет? Её по всем законам вселенной первый встречный в тёмном переулке должен был прибить! А ведь Дейтон ещё не познакомился с настоящей Ульяной...

Тут эпсиллионец криво усмехнулся и всё-таки опустошил бокал, потому что до знакомства остались считанные часы. И кто в этом виноват? Он сам! Взял и восстановил паршивке энергетический контур. Заставил Лу миллиметр за миллиметром склеивать разрозненные кусочки того, что осталось от её энергии. Потому что эта женщина гробит себя быстрее, чем он успевает её восстанавливать!

О каком восстановлении памяти могла быть речь, если его женщина чуть не потеряла голос? И чтобы он потом с ней делал? Как общался? Она бы ему записочки писала, указывая, на что обиделась? Хорошо ещё, землянка впустила его Лу, а то ведь могло закончиться совсем плачевно.

Дейтон, пока летел до дворца, такие ужасы себе успел понапридумывать, что только чудом сам удар не схватил. Все минуты считал, когда они приземлятся, и он сможет её хоть чуть-чуть подлечить. Она что, совсем ничего не знает? Леандр не догадался ей объяснить, что нельзя себя калечить в таком состоянии? Иначе остатки её энергии могут решить, что голос ей важнее, например, волос или кожи. Нет, им-

ператор Ульянов бы не бросил, восстановил обязательно, но сколько бы он при этом выслушал?! Нетрудно догадаться, кого она назначила бы виновником.

Может, её в клинику к тяжелобольным отвезти? Пусть посмотрит на тех, кому не успели оказать медицинскую помощь, и чьё лечение на себя полностью взяла внутренняя сила.

Нет, тоже не вариант, ещё испугается. К тому же он уже, насколько смог, всё исправил. Есть всё же плюсы в полном резонансе: жену можно по кусочкам собрать, а она даже не заметит.

Жена... Император покатал на языке это слово и впервые улыбнулся. Не мрачно и удовлетворённо, как он ухмылялся, купая и укладывая на кровать бессознательную землянку, а легко, светло, с предвкушением. Его жена. Маленькая хрупкая бестия в его власти... Осталось только разобраться с тем, что он наворотил.

Улыбка погасла, брови нахмурились, а рука сама потянулась за бутылкой. В таком состоянии его и застал Николас, настоящий муж Азалии, а не то, что он.

— Дед умер? — спросил первым делом, ворвавшись в кабинет.

— Побойся древних. Он только женщину нашёл, ещё нас с тобой переживёт, — лениво откликнулся император, отставляя бутылку и прикрывая глаза. — Да и с чего ты взял?

— Ты себя в зеркало видел? У тебя вид, как у восставшего

из мёртвых, и ты пьёшь. А должен сиять и сотрясать дворец своей энергией. Или тебя женщина выгнала?

— Ульяна спит, у неё проблемы с энергией.

— Что-то я не заметил проблем.

Глаза императора распахнулись, как по щелчку, он вскочил с кресла, готовый убивать, а его, затихший было, Лу попытался перехватить контроль — не смог и вырвался наружу, оставляя вместо кабинета пепелище. Николас прикрылся, но и его успело потрепать, прежде чем Дейтон смог справиться с собой.

— Тебе жить надоело? — спросил хрипло у того, кто был поддержкой и опорой несколько десятилетий, у своего побратима.

Николас был первым, кто поддержал его авантюру длиною в жизнь. Он тот, с кем император несколько лет делил одну женщину, пока её энергия не изменилась.

И он чуть не уничтожил Николаса за то, что тот заглянул к Ульяне, когда она спала. Как бы он потом в глаза смотрел Нэйтану, чужому ребёнку, которого воспитывал, как своего?! А Азалии, которая играла на публику императрицу, прикрывая его, Дейтона, задницу?!

— Святые Ситару! Я и подумать не мог, что тебя так приложило, — ухмыльнулся Николас.

— Тебе смешно?

— На самом деле не очень. Предупрежу остальных, что ты озверел и делиться по старой памяти не намерен.

Древние! Да вы словно испытываете его на прочность! Одно упоминание, что может найтись тот, с кем придётся разделить женщину — его женщину, приводит императора в ярость. Как его родственники справились, имея со Снежаной полный резонанс? У Дейтона даже здраво мыслить не получается!

— Лучше мне расскажи, с чем пришёл. Ты вычистил сеть?

— Да, но это не главная проблема. Вас видели, и ты не захочешь знать кто. Но у меня есть идея.

Значит, кто-то из оппозиции. Проклятие! Только этого для счастья не хватало.

— Какая? — уточнил мрачно, пиная горстку пепла — то, что осталось от кресла.

— Скажем всем правду! — радостно выдал этот... космический идиот.

— Какую? — вкрадчиво уточнил император.

Ну, может, не всё так плохо, и правда у него с Николасом разная? Потому что то, что хранилось в строжайшей тайне, было жутким, с какой стороны ни подступись. У него, выигравшего отбор и ставшего впоследствии императором, никогда не было жены... до встречи с Ульяной. И если об этом станет известно, то под сомнение попадёт всё его правление. Да ветвь Оллфордов попытаются порвать все кому не лень! Подавятся, конечно, но сколько при этом будет уничтожено?

Нет, Дейтон не захватывал обманом власть, просто... так получилось. Из-за постоянного усиления крови, с помощью

объединения энергий нескольких мужчин в одной женщине, детям всё труднее стало находить подходящих для себя женщин. И отступить было нельзя. Проклятые соперники переняли тактику и тоже усиливали свои ветви. Получался замкнутый круг.

К тому моменту, когда потребовался новый преемник императора, в ветви Оллфордов не осталось никого, кто подошёл бы на эту роль. Сильных, способных противостоять другим ветвям, было трое: он, Леандр и Итан. Леандр отказался от участия в отборе ещё до того, как он был объявлен. Итан слишком правильный и не способен на авантюры, а вот Дейтон... Он смог. Нашёл женщину, с которой резонанс был возможен, но меньше необходимого уровня, чтобы по законам Эпсилона объявить её женой. Потом нашёл для неё других мужчин, настоящих мужей, и даже какое-то время они жили в гармонии... пока у Азалии, Николаса, Кая и Джея не слились энергии и не стали развиваться в унисон, оставив Дейтона за бортом.

Минимальную совместимость предки установили не зря — он знал об этом и тогда, но выбора не было. Всего несколько процентов, и пути с Азалией разошлись до такой степени, что сейчас он даже прикоснуться к императрице не может, чтобы её не испепелить.

И эту правду Николас предлагает рассказать всем?!

— Что ты встретил стопроцентный резонанс.

Нет, он всё-таки космический идиот.

— Да подожди ты злиться, дослушай. Мы уже всё обсудили и пришли к выводу, что это лучшее решение.

— Лучше, чем мне взять и уметь?

— Конечно, лучше! Вас с землянкой видели, тень уже брошена, и слухи ползут. Пока шёпотом, но скоро заговорят громче.

— Говори.

— Мы поднимем минимальный уровень для брака, чтобы объяснить твой первый брак. Сам посуди, этим пользуемся только мы и наши противники. Простые эпсилонцы не испытывают таких трудностей и не знают всего. Никто не удивится, если ты скажешь, что у тебя с Азалией со временем стало восемьдесят или девяносто процентов совместимости, но появившаяся землянка разбила ваш брак полным резонансом. А дальше, как захочешь: можешь остаться императором и отправить нас отдыхать, или скормим благородную сказку, как ты оставил императрице трон.

Дейтон чуть повеселел, приказал ИскИну навести порядок, и, пока роботы устанавливали мебель, думал над словами Николаса. Было складно, если бы не одно «но».

— То есть нашу оппозицию ты за дураков держишь? — криво усмехнулся император, присаживаясь в близнеца почившего кресла.

— Я бы не рассчитывал только на их умственные способности. Но у них такие же трудности с женщинами, как у нас. А у нас есть Леандр, который создал сыворотку, меняющую

энергию женщины под конкретного мужчину.

— Под конкретную ветвь, — поправил Дейтон.

— Да неважно. Важно другое: мы можем купить их молчание и, наконец, закончить эту вечную гонку! Одна женщина и один мужчина. Ну или одна женщина и несколько мужчин, но только при очень высокой совместимости!

Дейтону ничего не оставалось, кроме как признать идею жизнеспособной.

— Я... подумаю. Но нужно точно узнать, какие у них проблемы с резонансом. Они начали позже нас.

— Узнаем. Разберёмся. До самых штанов их перетряхнём! — хищно улыбнулся побратим.

Или уже бывший побратим?

Николас развернулся на выход, но у самой двери затормозил. Обернулся и спросил то, что, несомненно, волновало всю семью:

— Ты ей уже сказал?

— Нет. И пока не разберёмся со всем или не покинем Эпсилон, не скажу. Данные по резонансу от неё я закрыл ещё в космосе.

— Огребёшь, — ухмыльнулся Николас. Помолчал, дождал реакцию, а не дождавшись, засмеялся уже в голос: — Даже не споришь. Точно огребёшь!

Дейтон в этом не сомневался. От Ульяны он огребёт, но они просто не знают эту женщину! Ей точно захочется всего и сразу. Она не будет довольствоваться ролью второго плана,

а значит, и хранить в секрете то, что может принести немало проблем Оллфордам. Империя превыше всего — его так учили. И если для этого потребуется маленькая ложь, то он готов на неё пойти.

Главное, чтобы маленькая ложь не повлекла за собой большую и ворох проблем.

Глава 10

Ульяна

— Поздравляю, Самойлова, ты дура! Но не потому что дура, а потому что баба, которую поимели, — выдала я вслух, не открывая глаз и не поднимаясь с кровати. А про себя добавила: — «Еще и усыпил. Снова. А как же: я не попадусь на одну удочку дважды? Прогиб по всем статьям».

Поморщившись, я всё-таки открыла глаза и окончательно скривилась, обнаружив над собой белоснежный потолок с лепниной.

«Хорошо хоть не в мавзолее», — пришла новая мысль.

Вот она и ударила меня, как дубиной по голове. Потому что, во-первых, я говорю, а горло не болит, а во-вторых...

Я, Самойлова Ульяна Михайловна, дурында двадцати пяти лет, не очень успешно закончившая журфак в столице, гордость родителей, предводитель стервей всей параллели, заноза в ягодичной мышце декана и абсолютный профан в отношениях. Нет, они у меня были, ибо короткие интрижки для здоровья и связей полезны, но пустить кого-то в свою душу? Упаси боже! До сих пор удивляюсь, как туда Снежанка пролезла, расколупав защитную броню и обнаружив то, что я только родственникам за три тысячи километров от столицы показывала. Мы с ней вообще были разными: оторва и тихоня, зубрила и прогульщица и так далее. Потом, правда,

переопылились друг от друга, и вот я уже не столицу покорю, а усердно учусь... к последнему курсу.

Я Самойлова! Я себя помню!

Коротко взвизгнув, я подскочила на кровати и закружилась, раскинув руки в стороны. Ночная рубашка «яля бабушкина ягодка» закружилась вместе со мной. Я только громче и немного горче засмеялась. Ну правильно, Рыжик взял, что хотел, уже можно не наряжать. Но, господи, как же хорошо себя помнить! Пусть и не всё. Я не лучший представитель землян, и гордиться мне особо не чем, но даже такая я — лучше, чем пустая оболочка. Еще бы понять, как меня в космос занесло и почему моя подруга выскочила замуж вперед меня.

Нахмурившись, я остановилась, запрокинув голову и пристально разглядывая потолок. Ответа, почему муж единственного родного мне человека сплавил меня императору в роли игрушки, он, конечно, не дал, но помог удержать выступившие на глаза от горького осознания слезы.

Самойловы не плачут! Если пустыне нужен дождь, то пусть поработает тучкой кто-то другой. И у меня даже есть такая тучка на примете! А я займусь более важными вещами: найду способ связаться со Снежкой — пусть в глаза скажет, что наши пути разошлись; узнаю, как именно Дейтон представляет мою жизнь во дворце; и переверну, если понадобится, вселенную, потому что я, может, и не самая послушная дочь, но послать весточку, что жива, обязана.

— В общем, дел не в проворот, — пробурчала себе под нос, спрыгивая с кровати. — Так что шевели булочками, Самойлова, пока не зачерствели.

Но тут же, в противовес своим словам, застыла. И не потому, что Дейтон, оказывается, наблюдал за мной какое-то время, привалившись плечом к косяку двери — хотя это, несомненно, было неприятным открытием, — просто в моей голове неожиданно раздался механический голос:

«Код принят. Произвожу активацию».

У меня глаза округлились от шока, рот приоткрылся, а в голове кто-то продолжил уже приятным женским голосом:

«Активация прошла успешно. Желаете дать мне имя, увидеть визуализацию или воспользоваться командой быстрого набора?»

Ну здравствуй, шиза.

Дейтон нахмурился, сложив руки на груди.

— Я, конечно, понимаю, что переборщил, но ты не могла хотя бы притвориться, что рада меня видеть?

Мысленно отмахнувшись от претензии оскорбленного императорского величества — у меня, так-то, посерьёзнее проблема вылезла! — я со священным ужасом в голосе спросила:

— Ты кто?

— В смысле: я — кто? — побледнел Рыжик. Меня по цвету догнал, угу.

«Искусственный интеллект. Ваш личный помощник. Мо-

дель 246x8c2...».

— Мне срочно нужно в туалет! — выпалила я, рванув мимо императора, слушая непонятные буквы с цифрами в голове.

А-а! Мамочки! Я либо сошла с ума, либо... сошла с ума.

— Вообще-то это моя комната, — крикнул Дейтон мне вдогонку.

А то я сама не догадалась, обнаружив вместо проходной гостиной мужскую мрачную спальню. Вот и кто он после этого, а? При живой жене в соседние покои с межкомнатной дверью!

— Вижу уже, — процедила сквозь зубы. И рявкнула: — Но туалет-то у тебя здесь есть?

Мне срочно нужно было уединиться и поговорить с умным человеком. С собой или с умной программой — потом разберусь. Пока у меня глаза на лоб лезли и руки дрожали. Хорошо ещё император не стал припираться и подсказал направление.

Ванная у Дейтона была прям императорская, с огромным таким бассейном, вырезанным в полу. Впрочем, «стульчик» обнаружился не золотым, а то я бы посмеялась. А так только хмыкнула, не особо впечатлявшись. По мне, сплошные неудобства, воду пока наберёшь... И защёлки на двери у него не было! Пришлось прислоняться спиной, не доверяя эпсилюнцу. С него станется проверить, как я тут и что. А вот зеркальная стена мне понравилась, жаль она отражала блед-

ное напуганное привидение — меня.

— Эй, помощник, ты меня слышишь? — позвала шёпотом.

«Слышу, госпожа. Я способна улавливать любые звуковые частоты».

— А не в мою голову ты говорить способна?

Чувствовала себя сумасшедшей. И не удивительно. С такой-то насыщенной жизнью.

«Желаете использовать визуализацию?»

— Ну покажись, что ли, — хмыкнула я.

Если к слуховым глюкам добавится визуализация, то это либо не глюки, либо полная... белочка.

Точно, белочка! Я медленно сползла по двери, усевшись на пол, потому что на моей руке проявился невесомый, широкий браслет, до этого успешно мимикрировавший под мою кожу, а потом передо мной возникла голограмма девушки. Очень страшной и очень лысой девушки.

С моих губ сначала сорвался короткий смешок, а потом я зашлась в истерическом хохоте, стуча ладонями по полу. Просто мой личный помощник, ИскИн, если я правильно поняла, был точной копией нашей со Снежкой одnogруппницы, только лысой. Когда подруга не хотела ходить со мной на групповые свидания, я всегда грозила ей Верочкой, мол, добьешься, променяю тебя на нее.

— Ульяна! Что происходит? — Дейтон настойчиво замолотил в дверь.

Отстранив голову от двери, потёрла затылок, и последний раз хохотнув, вытерла выступившие слезы.

— Скройся, — приказала, едва шевеля губами. Рассказывать императору о нежданчике почему-то не хотелось. И, когда голограмма исчезла, спросила о том, что мне предлагали вначале: — А на быстром наборе у меня кто?

«Снежана Оллфорд».

Глупо улыбнувшись, закрыла глаза. Не бросили. Вот о каком секрете и обещании забрать, когда я нагощусь, говорил ученый.

Даже если новой семье Снежки очень этого хотелось бы, они всё равно меня не бросили.

Провела ладонью по руке с браслетом — и ничего. Словно всё, что произошло, — игра воображения. Ладно, потом разберусь, тем более кое у кого окончательно исчерпалось терпение — ног коснулась приятная прохлада, и дверь за моей спиной исчезла. Если бы не Лу, разбила бы затылок. А так ничего, лежу на тучке, чувствую, как невидимые нити ласкают, разгоняя возбуждение. Почему-то сегодня было иначе: в постель Дейтона затащить хотелось, а вот для приятного освобождения было мало. Ещё бы Рыжик нерушимой скалой не нависал сверху.

А может, он меня того? Закрепил связь, пока валялась в отключке?

С подозрением присмотрелась к эпсилionцу. Хорош чертяка. Рыжий, но не как тот, что с лопатой конопатый, а бла-

городный рыжий, краси-и-ивый. Вздохнула.

— Ты закрепил связь?

— Ты меня не помнишь? — спросили мы одновременно.

— С чего бы? Или надеялся, что я просплюсь и забуду, что твой Лу меня трахнул? — изогнула я бровь.

Высказывать претензии лёжа было не очень удобно.

— Ты спросила: кто я, — полностью проигнорировал произошедшее между нами Дейтон.

— Ах это, — я наморщила нос, подыскивая отмазку. Нашла и шально улыбнулась: — Так ты сегодня не в красном. Не признала сразу.

И без того немного вытянутое лицо эпсيليонца вытянулось сильнее, ладони сжались в кулаки, а в глазах вспыхнули молнии. Сделала улыбку помилее и поднялась, раз император помогать не спешит.

Он и вправду выглядел сегодня по-другому, совсем как человек: в чёрных брюках и белой рубашке, расстёгнутой на груди, с немного влажными распущенными волосами. Да и перегаром от него несло прям по-человечески. Молодец, Ульянка, растёшь! Почти ничего не сделала, а мужик уже спивается.

— Вижу, самочувствие у тебя хорошее, — проскрипел Рыжик.

Да вообще зашибись! Всем бы такое утро, как у меня. Я ещё не всё осознала и приняла. Без памяти как-то полегче было. Всё воспринималось как позабытое старое. А вот

утром бах — и как будто дверь в будущее открыла, а она возьми да закройся, наподдав напоследок по ягодицам.

Поднявшееся было настроение испортилось. Хватило взглянуть на наглую рыжую морду, чтобы вспомнить, в каком я положении. Нет, я рада, что могу связаться со Снежкой и получить помощь, но она теперь дама замужняя, и мы не на Земле.

Я больше не могу ввалиться в комнату и предложить потусить. Не могу попросить прикрыть мою задницу от настойчивого поклонника. Не могу подвергнуть единственного родного человека опасности, зная, на что способен Лу императора. Как там учёный сказал? Если не получится? Так вот, ответственно заявляю: у Рыжика со мной срослось, а вот у меня с ним... большой вопрос. И найти ответ мне нужно быстро. Дейтон — мужчина видный, я и без воздействия Лу имею все шансы глупо влюбиться.

Отбросив кривляния с шутливым тоном, спросила прямо: — Что ты со мной сделал? Почему я иначе... чувствую резонанс?

— Разочарована?

Немного. Испытывать возрастающее желание приятно только тогда, когда известно, чем всё закончится. А так получается, что Дейтон будет дразнить своим Лу и испытывать меня на прочность.

— Всего лишь хочу узнать, воспользовался ли ты моим бессознательным телом.

— Я не насильник!

Это точно. Слишком хитрый, чтобы использовать грубую силу.

— Тогда почему? — я умела быть настойчивой.

— Потому что я уже вышел из того возраста, чтобы пачкать штаны, — рыкнул львище. — Ясно? Я подправил твою энергию. Это и так произошло бы, только позже. Я и пальцем не тронул твоё тело!

Отступив на шаг, я проглотила следующий вопрос. Благодарность робко шевельнулась внутри и затихла. Мог бы и по-другому сказать, что подлатал меня на каком-то непонятном уровне. Что я не понимаю, что память по щелчку пальцев не возвращается, а горло не перестаёт болеть?

Не знаю, кто из нас больше перегнул палку, но император отступил первым.

— Приводи себя в порядок. В твоей ванной есть всякие женские штучки. В шкафу в гардеробной новая одежда. Позже выберешь что-то на свой вкус. В гостиной завтрак. Потопишься, если не передумала целыми днями оттаптывать мне пятки. Я вернусь через двадцать минут.

Двадцать минут?

Он точно женат? Кто вообще даёт женщине двадцать минут?!

Открыла рот, набрала в грудь воздуха, а эпсيليонца и след простыл.

Ан-нет, всё же женат. Так профессионально сматываться

от женской истерики не каждый сможет.

В общем, я закрыла рот и пошла шевелить булочками, ни капли не сожалея, что не имела раньше долгих отношений. Как показала практика, не готова я к ним. Пока «жизнь с Дейтоном» проигрывает «свободе» с разгромным счётом.

Я успела лишь умыться, почистить зубы чем-то мятным из коробочки, нацепить первое попавшееся платье, к счастью, севшее по фигуре, и сделать несколько глотков местного чая, когда Дейтон вернулся. В отличие от меня, ему времени хватило: волосы высушил, одежды в порядок привёл и, судя по тому, что на мой стол он даже взгляда не бросил, поел, гад.

С сожалением взглянув на булочки, к которым даже не притронулась, схватила со стола что-то похожее на грушу.

— Я гото... — окончание моей фразы потонуло во взывавшей сирене.

Она орала минуты три, не замолкая, прежде чем император, что-то нажимая на своём браслете, смог её утихомирить. Я прищурилась, заметив, что браслет исчез так же, как и мой, только у него ещё и голографический экран с кнопками был.

— Снова кто-то снёс стену? — спросила, невинно хлопая ресничками.

— Нет. Но скоро снесёт. И стену. И столицу. Идём.

Заинтригованная, ухватила за руку императора, и мы выскочили из покоев. Дейтон спешил так, будто от этого зависела чья-то жизнь. И если слова про столицу сначала пока-

зались мне шуткой, то после того, как мы запрыгнули в подруливший к входу во дворец флай и взлетели свечой вверх, а за нами взлетело ещё штук десять машин, на ходу выстраиваясь в своеобразный косяк «уток», смеяться резко расхотелось.

— Что происходит? Нападение пришельцев? Война? Межтеоритный дождь? Или город сейчас затопит, а мы спасаемся? — панически набросала несколько вариантов.

— Эпсилионцы никогда не бегут, — сухо, сосредоточенно и без огонька огрызнулся император.

Господи, а мне же доставляет удовольствие с ним препираться. Давно такого не чувствовала.

— Я и не сказала, что бежим. Я сказала: спасаемся.

— Не спасаемся, а спасаем. Какой-то корабль терпит крушение. На сигналы не отвечает, знака альянса нет. ИскИн рассчитал траекторию, падение чётко на столицу.

А-а, так мы Чип и Дейл, что ли? Дейтон сейчас выпустит тучку, и вместо корабля на столицу упадёт пепел?

— Подожди. А если на корабле кто-то живой?! — подпрыгнула на сидении я. — У тебя службы спасения нет? Сеточку там растянуть, поймать?

Рыжик не ответил, но зыркнул так, что сама поняла: глупость сморозила. Со мной всегда так, особенно когда нервничаю.

— Ну а со службой что? Почему этим занимается император? Или ты повыведываться передо мной решил? И что

это за косяк за нами летит? Дейтон, ну не молчи!

— Древние! — ругнулся эпсиллионец. Нет, он сказал ещё кое-что, но это было самым приличным.

Я пристыженно прикусила язык и стала бояться молча. Недолго. Через пару минут император резко затормозил, выровняв флай и убрав крышу.

— Есть у меня всё, — начал отвечать мужчина, запрокидывая голову и рассматривая небо над нами. — Только сила у всех разная, а скорость притяжения корабля слишком большая. Пока собралась бы группа, от столицы ничего не осталось. И это не косяк, а моё вечное сопровождение.

— То есть помочь тебе некому? — поняла по-своему.

— Есть. Предлагаешь попросить помощи у конкурентов на трон?

Ой, как всё сло-о... О-о. Я потеряла мысль, увидев чёрную точку над нами. Секунда, и она вспыхнула, быстро увеличиваясь в размере. Дейтон выпустил Лу, и словно ночь вокруг нас наступила. Абсолютная темнота, в которой светятся только приборы флая.

Кто бы там ни падал, мне стало их жалко. На щеку попала крошка пепла, и я шмыгнула носом, растирая её.

— Хм, — неожиданно раздалось задумчивое.

— Что? Я не плачу!

— Да плачь себе на здоровье, это не вредно, — отмахнулся хам.

Нет, он вообще умеет с женщинами обращаться, а?

— Тогда в чём дело? — насупила я.

— В этом, — Дейтон втянул немного Лу, позволяя рассмотреть небо и... большой металлический шар, словно лежащий на чёрной энергии. — Уничтожить не вышло.

— Может, на тебя ещё один полный резонанс упал! Блондиночка там. Или брюнеточка.

Каюсь, не сдержалась. Я так-то рассчитывала на совсем другое общение. Думала, буду мелькать перед Дейтоном вся такая красивая, и он быстро определится между мной и императрицей. А на деле мы только отталкиваем друг друга, как ёжики. И вот с этим мне до самой смерти жить? А уж ещё одно задумчивое «хм» вообще выбесило.

Вот уйду от тебя, Рыжий, локти кусать будешь!

— Ну, давай проверим, что там, — неожиданно весело подмигнул мне эпсيليонец.

Всю дорогу, что мы летели к пустынному месту, куда Дейтон собирался сбросить шар, в надежде, что он расколется или раскроется — как повезёт, — меня сжирала ничем не объяснимая ревность. Да я так к императрице не ревновала, как к своему несдержанному предложению. Но, пожалуй, хуже всего было то, что император видел моё пыхтение и широко улыбался. Будто не хтонь ему на голову упала, а на самом деле девица!

Я отвернулась, не став смотреть, как Дейтон сбрасывает шар на какое-то поле. И тем неожиданнее было услышать:

— У тебя невероятная интуиция. Действительно, блонди-

ночка и брюнеточка.

Что-о?!

Этого я уже не смогла вынести — оттеснила Рыжика от окна и высунулась наружу.

Там на земле валялся надвое расколотый шар, а внутри половинок лежали одетые в чёрную кожу инопланетяне. Двое мужчин. Блондин и брюнет.

Глава 12

Несколько секунд я ошарашенно пялилась на пришельцев, которые выглядели совсем как люди — у них даже лица были вполне земные, не вытянутые, а потом заметила, как под головой блондина расплывается красное пятно, и запаниковала.

— Дейтон! Там кровь! Им нужно помочь, слышишь? — Я перестала высовываться из флая и, схватив эпсилонца за рубашку, затрясла его. Почему-то он даже не думал спускаться и как-то помогать упавшим с небес. — Ну что ты застыл? Прикажи своему конвою помочь или... Давай вызовем скорую! У вас есть скорая помощь? Доктора по вызову? Или ты уже...

Я растерянно замолчала, вглядываясь в лицо императора. Ему что-то сильно не нравилось — моё поведение или желание помочь, не знаю —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.